

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

ОСОБО ОХРАНЯЕМЫЙ ОБЪЕКТ

Михаил НЕСТЕРОВ

ЗАЩИТНИКУ
ОТЕЧЕСТВА

Диверсанты из инкубатора

Михаил Нестеров

Особо охраняемый объект

«ЭКСМО»

Нестеров М. П.

Особо охраняемый объект / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
— (Диверсанты из инкубатора)

Чем крупнее бриллиант, тем длиннее шлейф смерти, тянущийся за ним. Когда арабский миллионер Анвар Эбель приобрел сверкающий «Шаммурамат» – погибли его жена и дочь. Анвар отомстил их убийцам и продолжает мстить всему миру, финансируя террористические группировки. Он еще не подозревает, что в его окружение внедрились агенты российского ГРУ – красавица Тамира и ее напарник Михей. Примечательно, что их куратор – полковник Красин, играет в свою игру. Его цель – самый большой в мире бриллиант, омытый потоками крови...

© Нестеров М. П.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	8
3	13
Глава 2	17
1	17
2	19
3	22
Глава 3	25
Глава 4	27
1	27
2	30
Глава 5	34
1	34
2	37
Глава 6	40
1	40
2	44
Глава 7	45
1	45
2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Нестеров

Особо охраняемый объект

Автор выражает особую признательность автору книги «Конкурентная разведка: маркетинг рисков и возможностей» Евгению Юцуку, авторам книги «Ювелирное дело» Кеннету Блейкмору и Эдди Станли за использование их материалов в своей книге.

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

*Сон разума рождает чудовищ,
Воображение, покинутое разумом,
порождает немислимых чудовищ;
но в союзе с разумом оно – мать
искусств и источник творимых ими чудес.
«Капричос» № 43*

Франсиско Хосе де Гойя.

Глава 1

ВЕНДЕТТА: ПЕРВАЯ КРОВЬ

1

11 сентября 1990 года

Эта встреча произошла в гостинице Байонны, города-порта на юге Франции, куда Али Рашид приехал из Египта. Ради одной лишь любовной связи со своей обанкротившейся любовницей он не совершил бы столь долгий путь, если бы она не посулила ему интригу.

– Он тебе доверяет? – спросил Рашид Камелию.

– Анвар? – Стоя перед зеркалом, женщина пожала плечами. Она видела свои налистые груди, точеные плечи, локоны, падающие на них, видела и Али Рашида на кровати. Он накрылся простыней и рассматривал фигуру любовницы.

– Так он доверяет тебе? – повторил вопрос Рашид.

– Конечно, – ответила Камелия, поворачиваясь к любовнику. – Мы сошлись в цене, и Анвар сдержит данные мне обещания: на его яхте не будет никого, кроме его шкипера, жены и дочери.

– И при нем будут деньги?

– Очень большие деньги.

Когда Рашид улыбался, он походил на египетского актера Омара Шарифа в молодости, сделавшего блестящую карьеру в Голливуде. Тонкие усики, черные бездонные глаза, тонкая сеть морщин под глазами. Однажды Камелия сделала вывод: он походил на негодяя, по которым обычно сохнут красавицы.

– Дай мне его, – снова попросил Рашид, и его глаза алчно блеснули.

Камелия безропотно передала ему черный замшевый мешочек. Рашид развязал тесемки и вынул из мешочка алмаз... Покачал головой, не веря своим глазам, ощущениям и эмоциям, не доверяя любовнице, для которой он – последняя надежда. Этот бриллиант мог прокормить до конца жизни не только Рашида и Камелию и детей, если таковые у них будут, а целую африканскую страну.

Он поднес камень к глазам и попытался посмотреть через него на Камелию. И, продолжая восторгаться им, начал игру под названием «верю – не верю», когда ты сначала отвечаешь, а уже потом слышишь вопрос.

– Он почти в два раза больше «Низама».

Рашид говорил об алмазе, который находился в частной коллекции в Индии.

– Он крупнее индийского бриллианта «Орлов» больше чем в два раза.

Рашид говорил о подарке графа Орлова императрице Екатерине Второй.

– Почти в четыре раза больше алмаза «Регент».

Он говорил о камне, обладателями которого были Людовик XV Бурбон, Наполеон I, этот камень теперь выставлен в Лувре.

Через грани алмаза он каким-то чудом сумел рассмотреть шею подошедшей к нему вплотную Камелии. Шея такая тоненькая, что, казалось, могла сломаться от легчайшего дуновения ветерка, от невесомого прикосновения пальцев...

Рашид подумал о том, что уже сказочно богат. Но алмаз придется реализовывать, искать такого клиента, который ослепнет, сойдет с ума от игры «Шаммурамата» и примет условия:

до конца жизни молчать о тайной сделке, не показывать камень никому. А это займет немало времени. Рашиду требовались деньги, чтобы ездить из одной страны в другую, вести переговоры от некоего таинственного продавца, поскольку бриллиант «Шаммурамат» был похищен из частной коллекции в Индии больше ста лет назад и до сей поры его местонахождение установлено не было.

«На сделку Анвар Эбель придет один».

Эта мысль прибавляла Рашиду уверенности. Он уже точно знал, что осуществит план, детали которого прочно сидели у него в голове. Он мог спокойно, без опаски поделиться ими с Камелией, поскольку она изначально определила для Анвара Эбеля роль жертвы. Она не только женщина, она его любовница, она его преданный друг – потому, наверное, что решилась на встречу в присутствии жены Анвара. Эти три фактора, связанные воедино, не позволят зародиться сомнениям. Анвар, наверное, тоже увидел в этом поступке жертву. А еще – безысходность. Он был готов помочь, то есть оказать «оплачиваемую услугу» – что в отношениях между ним и Камелией происходило впервые.

Камелия надолго задумалась. Даже не заметила, как Рашид положил камень обратно в мешочек, прошел в ванную комнату. Очнулась она от собственных мыслей, когда Рашид предстал перед ней одетым, чисто выбритым, не считая его пленительной полоски усов.

2

11 сентября 1990 года моторная яхта Анвара Эбеля под названием «Мневис»¹, проходя через Бискайский залив, сбавила обороты. На этом участке маршрута царило оживление. Суда ходили через Ла-Манш в Бельгию, Нидерланды, Данию и дальше через Балтийское море в Ленинград. Сентябрь и начало октября Анвар решил провести у себя на родине – во Франции. У него была вилла в Ла-Рошели. Там он готовился к сделке, которую назвал сделкой века.

Стоило ему раз взглянуть на «Шаммурамат», и он уже не мог отделаться от мысли, что обязан купить его. Эбель понимал, что никогда не сможет показать его знакомым, друзьям, что судьба «Шаммурамата» останется прежней – камень лишь «сменит глаза». Вместо черных на него будут смотреть карие. А Анвар Эбель не верил, что его ждет такая же участь: когда у него не останется ничего, кроме черного шелкового мешочка, он положит в него камень и продаст. Может, это случится на пороге смерти.

Он посчитал сделку безопасной потому, что размышлял так же, как и его противник – женщина, его любовница, его преданный друг.

«Мневис» лег в дрейф в двухстах метрах от Старого порта. Анвар поднялся на палубу и будто впервые стал смотреть на сторожевые башни, где сейчас разместились музеи. Узкий проход между башнями Шен и Сен-Никола можно было перекрыть цепью в случае наступления врага. С башни Латерн, расположенной дальше к западу, где в эту минуту собрались туристы, открывался прекрасный вид на акваторию порта. Возможно, гид рассказывал, как войска кардинала Ришелье осаждали эту крепость и с суши, и с моря.

Круглые и прямоугольные башни с зубцами, крепостные стены, ворота, через которые кое-где проложили современные мостики, чтобы попасть внутрь башни. Если бы не обилие современных авто, припаркованных к монолитному парапету, без труда можно было бы представить средневековую битву.

Едва прямо по курсу показался катер с тримаранными обводами корпуса и мягким ходом на волне, Анвар на мгновение напрягся, потом успокоился, увидев на носу катера женщину. Она держалась за хромированные леера, платье ее развевалось позади и плотно прилегало к телу спереди, вырисовывая ее плечи, грудь, живот, бедра. Она казалась живым воплощением украшения на старинных кораблях, навечно застывшей русалкой между бушпритом и стемом.

Эбель опустил бинокль, разглядев и рулевого – по виду каталонца – на этом катере класса «дальнего туризма». Ему не был страшен балльный ветер, удаленность от берега. Таких катеров здесь много, и обычно все пассажирские места заняты туристами, желающими посмотреть на крепость с моря.

Анвар оказался не прав относительно численности экипажа. Из каюты появился коренастый парень и приготовил швартов. Эбель подошел к борту, чтобы принять его, знаком повелевая своему рулевому оставаться на мостике.

– Добрый день, – первым поздоровался матрос, раздетый по пояс.

Анвар кивнул ему:

– Добрый.

Жестом руки приветствовал шкипера и, набросив петлю троса на боковой рым яхты, прыгнул на палубу. К нему навстречу шагнула Камелия, сохраняя деловой вид, который она напустила на себя во время швартовки двух судов. Анвар прикоснулся губами к ее руке и указал жестом, куда идти. Он придерживал ее за локоть, когда она поднималась по коротеньким сходням, спущенным с палубы яхты на борт катера.

¹ Мневис – в египетской мифологии божество в виде черного быка.

Анвар не смотрел на жену – Миа с ребенком на руках стояла у борта «Мневиса», приклонившись спиной к лееру. Точнее, он бросил на супругу мимоличный взгляд, которым то ли дал понять, что деловая часть этого морского путешествия уже началась, то ли побоялся выдать себя, поскольку его глаза не лгали в эту минуту и могли многое сказать жене.

Камелия поднялась на палубу яхты, подошла к Миа, поздоровалась с ней за руку, игриво потрепала за щеку двухлетнюю Сабиру:

– Какая милая девочка.

Эбель поторопил ее:

– Спустимся в каюту, Камелия. Там нас поджидает ювелир с необходимым оборудованием для экспертизы. Миа, пожалуйста, спуститесь с Сабирой в свою каюту. – Он отыскал глазами своего шкипера по имени Хаким Раух. – Хаким, проводи их и возвращайся на место.

Хаким кивнул и помог хозяйке с ребенком спуститься по крутому трапу.

Кают–компания была большой. Казалось, трап вел совсем в другое судно, в другой, более вместительный отсек.

За круглым столом разместились Анвар, Камелия и ювелир, прибывший из Парижа. Камелии в этой сделке адвокат был ни к чему, тем более оценщик и ювелир. Она принесла подлинник и сама назначила цену.

...Ювелир находился в оцепенении больше минуты. Он много раз слышал о «Шаммурамате», много раз видел рисунки этого камня, опубликованные в специальных изданиях, где были приведены его уникальные данные, а также схемы огранки.

– Боже, какая огранка... – упавшим голосом, будто «Шаммурамат» лишил его сил, прошептал ювелир.

Он не решался оценить этот великолепный бриллиант. Все четыре фактора² поражали его воображение.

– Какой цвет... – снова прошептал он. Теперь он, ослепленный бриллиантом, уверовал в то, что «Шаммурамат» больше, чем «Большая звезда Африки», вправленная в английский королевский скипетр. Пусть на один или два карата, но больше.

Он с трудом оторвался от бриллианта. С трудом вспомнил свои последние слова. Кажется, он тихо восторгался его цветом. Отчего-то глядя на хозяйку «Шаммурамата», он сказал:

– Цвет – это ощущение, доставляемое глазом сознанию. Восприятие у всех разное. Вот у вас, мадемуазель, например, врожденный слух, у меня развито с рождения чувство цвета. Вы действительно хотите... – Ювелир словно проглотил слово «продать». Он вздохнул: «Просто она не знает, что делает. Она по страховке может получить такие деньги, что ей хватит до конца жизни. А „Шаммурамат“ займет достойное место в Лувре. Он затмит остальные камни, картины, он и ей принесет немало процентов...»

К реальности ювелира вернул голос Анвара Эбеля:

– Мне нужна официальная оценка «Шаммурамата». В отчете можете не указывать название камня.

«Господи боже мой, зачем? – недоумевал ювелир. – За каким чертом этому богатому кретину официальная оценка?» Но все же взялся за работу. Он в течение получаса изучал камень, после чего сверху чистого листа бумаги проставил дату, слева написал свое имя, указал свой парижский адрес. И дальше:

«Я провел оценочную экспертизу ювелирного изделия, из которого следует:

² По терминологии компании De Beers Consolidated Mines, Ltd – «четыре C»: вес в каратах, цвет, степень прозрачности и огранка.

алмаз высшего качества удлиненной прямоугольной формы, весом 531,2 карата, по стандарту СИБЮ имеет цвет EW³ и прозрачность IF⁴, ступенчатую (изумрудную) огранку – шестнадцать ступенчатых граней сверху и двадцать четыре снизу. Стандарты прозрачности установлены при 10-кратном увеличении и нормальном освещении с использованием бесцветных выпуклых линз.

По моей оценке, текущая стоимость вещи составляет...»

Ювелир оставил место для включения стоимости и обратился к Эбелю:

– Дорогой Анвар, вы можете поставить любую цифру, а можете написать: «алмаз бесценен». Что является истиной. Вы только представьте себе, что до огранки он чуть-чуть не дотягивал до одной тысячи каратов! После короткой паузы он продолжил: – Вы приобрели вещь, из-за которой вас будут преследовать до конца жизни.

– Вряд ли, – самонадеянно ответил Анвар.

Он подошел к секретеру, который органично вписывался в обстановку кают-компании, и с трудом вынул из него тяжелый архаический саквояж кордовской кожи. Положив его на стол и открыв, он предложил Камелии пересчитать деньги. Та отказалась, изящно пожав плечами:

– К чему условности, мон ами? Я доверяю тебе, как себе, Анвар. Кстати, основная сумма перечислена на мой счет?

Хозяин яхты передал ей платежный документ, из которого Камелия сделала один-единственный вывод: она богата, как прежде. И у нее есть наличные деньги и умопомрачительный счет в банке.

Анвар словно не слышал последнего вопроса Камелии. Он обратился к ювелиру:

– Тогда, может быть, наш уважаемый эксперт снимет свой процент?

Со словами «право, мне неловко» ювелир вынул из саквояжа несколько пачек, вскрыл одну из них и проверил несколько купюр. Открыв свой чемоданчик, он сложил инструменты, накрыл их бумагой, сверху положил деньги. Посмотрел на Анвара, на Камелию, на свое отражение в иллюминаторе и сказал:

– Считаю, сделка прошла успешно. Надеюсь, стороны остались довольны. Со своей стороны я сделал все, что мог. Поздравляю вас! И – желаю удачи.

За эти полчаса с небольшим яхту и катер отнесло от места стоянки на сто – сто пятьдесят метров. Хаким Раух не обменялся с командой катера ни словом. Он стоял за штурвалом моторной яхты с таким видом, словно в любой миг был готов завести мощный двигатель и дать ему полные обороты. Моторная лодка, которая терлась привальным брусом о борт яхты, будто относилась яхту от берега.

– Приятель! – крикнул Хаким мотористу.

– Да? – с готовностью отозвался тот.

– Натяни швартов. Я подведу нашу пару ближе к берегу. Или отдай швартов. Я пойду медленно, догонишь.

Моторист занял место в кокпите, а шкипер катера вдруг поднялся на борт «Мневиса».

– Не против, если я посмотрю блок управления яхтой? – спросил Рашид, скрывая за рубашкой навывпуск французский пистолет MR-73. Этот револьвер был популярным в странах Европы, являлся штатным оружием французской жандармерии, а также групп антитеррора. Рашид купил его через своего знакомого француза, который работал в газете. У него был не укороченный, а «полноценный» 133-миллиметровый ствол. В барабане мощные патроны фирмы «Магнум».

Хаким чуть помедлил, прежде чем разрешил Рашиду подняться на мостик. Там, как и полагалось, все сверкало чистотой. Рукоятки управления и обрамления приборов из слоновой

³ Exceptional white – уникальный светлый (англ.).

⁴ Internally flawless – абсолютно безупречная (англ.).

кости. Даже ветровой козырек не слепил глаза хромом или никелем: его пластичная вставка имитировала ценный поделочный материал.

Рашид стоял за спиной Хакима. В первые мгновения он решил убить его из пистолета, но шум привлек бы хозяина яхты.

Рашид вынул из кармана выкидной нож и нажал на кнопку. Длинное и острое лезвие вылетело из паза со звуком вернувшейся в исходное положение затворной рамы пистолета. Хаким был готов к чему угодно, только не к атаке, он обернулся к Рашиду. На двух судах, которые швартовы превратили в уродливый катамаран, происходила тайная и... все же честная сделка, основанная на доверии. И вот доверие было нарушено. Рашид умел обращаться с ножом. Он коротко замахнулся, вонзил клинок в подреберье противнику, свободной рукой закрыл ему рот и навалился на него всем телом. Хаким спиной распластался на панели приборов, но ни один переключатель, ни одна кнопка, рычаг не привели в действие механизмы. Хаким машинально потянулся к кнопке стартера, но Рашид уже вынул ключ из замка зажигания...

Вынул ключ...

Хаким понял, что его рот уже не закрывает сильная рука и он может закричать. Но первая же попытка оказалась провальной. Что-то булькнуло в его горле, а затем рот наполнился пенной, как коктейль, кровяной смесью. Казалось, она настолько пропитана кислородом, что закипала на его губах, запекалась на подбородке, как лава, и уже не давала дышать.

Рашид провернул нож в ребрах рулевого. Выровняв лезвие параллельно ребрам, между которых находился клинок, он провел им до позвоночника. И только потом отпустил жертву. Отерев нож о рубашку Хакима, Рашид скользнул с рубки на перилах, без помощи ног.

Внизу его уже поджидал помощник, вооруженный таким же револьвером, как и Рашид. Али дал команду: «Вперед!» – и первым принялся ее исполнять. Он неслышно спустился по трапу и оказался напротив двери кают-компания. Резко распахнув ее, он пропустил вперед напарника и направил пистолет на Анвара.

– Ни слова! Ни звука! – негромким голосом предупредил он его. – Иначе шумно будет в каюте, где укрылись твоя жена и дочь.

– Чего вы хотите? – Этот неуместный вопрос все же прозвучал.

Рашид рассмеялся. Он не стал сближаться с Анваром.

– Дорогая, подай мне то, что принадлежит нам по праву.

Камелия, бледная, оттого еще более обольстительная, превратилась в помощницу грабителя. Она взяла со стола драгоценный камень и положила его в мешочек. Закрывла саквояж, вздрогнув от двойного щелчка замков, едва приподняла его. Покачала головой: «Я не осилю, он очень тяжелый», адресовала она этот жест Рашиду.

– На пол! – приказал Рашид, указывая стволом французского револьвера то на Анвара, то на ювелира. Первым приказ выполнил ювелир. Он растянулся на полу, заложив руки за голову. Чуть помедлив, к нему присоединился сам Анвар. Он хотел было заговорить о безопасности жены и дочери, но ему не дал этого сделать помощник Рашида. Он оглушил хозяина яхты ударом рукоятки пистолета по голове. Такой же удар получил и ювелир. Затем он ловко связал их.

– Выводи женщину и девочку, – приказал Рашид помощнику. – Они наше спасение, если полиция вдруг начнет преследование.

– Рашид, – начала было Камелия, уже находясь на палубе.

– А, ты еще здесь, дорогая. – Он приподнял ее подбородок и крепко поцеловал. Не отпуская ее губ, выстрелил женщине в живот. Отпустив безвольное тело, посмотрел в сторону берега. До него было больше полумили. Это расстояние поглотило звук выстрела, крики женщины и плач девочки.

– На катер их, быстро, – поторопил помощника Рашид. Сам же спустился в трюм «Мневиса» и один за другим открыл кингстоны⁵. Вода стала быстро поступать в судно. Рашид поспешил назад.

Он снял огонь с одного рыма, с другого, оттолкнулся ногой от белоснежного борта яхты, которая медленно начала погружаться, кренясь на один борт.

Он морщился от причитаний женщины.

– Как тебя зовут? – еле перекричал он ее.

– Мария. Муж называет меня Миа.

– Слушай, Миа, я еще не знаю, как поступлю с тобой. Может быть, просто отправлю кормить рыб. Обещаю тебе одно: девочку я не трону. Я не убиваю детей, – проявился у Рашида апломб.

Он не рискнул причалить к берегу в районе крепости, решил дотянуть до городка Руайан, расположенного в шестидесяти километрах к югу от Ла-Рошели. Благо там у него стояла наготове машина, в перчаточном ящичке имелся паспорт с шенгенской визой, в салоне было много места, чтобы уместить в нем деньги.

Алмаз...

«Шаммурамат» найдет себе место возле сердца, во внутреннем кармане пиджака.

Рашид не рискнул взять курс вдоль берега. Он взял строго на юг, на остров Олерон, чтобы пройти между ним и материком, а дальше останутся каких-то жалких двадцать – двадцать пять километров...

Катер, который он арендовал, развивал скорость до пятидесяти узлов, значит, меньше чем через час он будет на месте.

Он бросил последний взгляд на яхту, увидел женскую руку, свисающую с борта.

«Бедная, глупая Камелия», – вздохнул Рашид.

Он сам стал у штурвала, завел двигатель и взял курс на центральную часть острова. Он не слышал, как выругался его помощник. Тот, глядя на обреченную яхту, вспомнил о своем ноже. Когда помощник отрезал веревку, чтобы связать ювелира и Анвара Эбея, он воткнул нож в наборный пол яхты.

⁵ Кингстон – забортный клапан в наружной обшивке подводной части судна для приема или удаления воды.

3

Анвар, придя в себя, первым делом ощутил крен яхты. Затем его взгляд наткнулся на нож, торчащий в полуметре от его головы. Изловчившись, он подполз к ножу, сел, опустив связанные руки. Стараясь не давить сильно, чтобы не свалить нож, он стал делать ритмичные движения вверх-вниз. Он не видел результатов своей работы, но ощущал их. О Камелии он не думал. Лишь представил ее на палубе с распростертыми руками в луже крови, растекающейся под ней, – и угадал.

Он бросил только один взгляд на ювелира, но и его хватило, чтобы понять: шестидесятипятилетний парижанин умер раньше, чем через кингстоны начала поступать вода.

Лишь бы нож остался в горизонтальном положении. Анвар молил бога оставить все как есть. Синтетический трос толщиной в палец был крепче стального троса такой же толщины. Анвар мысленно подсчитал, что сумеет освободиться... с первым глотком соленой воды, хлынувшей в кают-компанию.

«Мневис» не торопился на дно. Анвару Эбелю показалось, прошло слишком много времени. Но вот лопнула под давлением клинка последняя крученая нить... и словно стеганула по запястьям. Анвар сорвал с себя остатки пут, не без труда вытащил нож из пола и, как был на коленях, подполз к выходу.

И только тогда вода, которая билась в иллюминаторы, ворвалась в кают-компанию через дверь.

У него волосы на голове встали дыбом, когда вместе с потоком в помещение вплыла Камелия. Она чуть задержалась на верхней площадке, затем, достигнув края трапа, устремилась вниз.

Она была еще жива. Но Анвара больше не интересовала ее жизнь. Он не собирался отбирать ее у Камелии, считая, что там, откуда на море собиралась обрушиться гроза, о ней уже побеспокоились.

– Говори! – Он стоял по колено в воде, которая прибывала набирающим силу потоком. – Где они? – Анвар тряхнул Камелию, как тряпичную куклу. – В каком месте они хотят пристать к берегу?

– Руайан, – прошептала Камелия, не в силах сопротивляться. Из раны женщины хлестала кровь. Рана оказалась серьезной, и спасти Камелию не смог бы даже сам бог.

Анвар опустил тело женщины на поверхность воды и, помедлив мгновение, за которое успел произнести коротенькую молитву, рванул вверх по трапу. На палубе, через которую перекатывались волны, он увидел Хакима. Тот из последних сил держался за леер. Лишь бы не пойти вслед за яхтой. Он боялся водоворота белоснежной красавицы, который образуется после того, как она пойдет на дно. Боялся своей крови, бившей из ножевой раны.

Анвар привязал к спасательному кругу Хакима и опустил его на воду. Сбросил с себя одежду и стал отплывать от тонущей яхты, буксируя раненого товарища. Его взгляд был устремлен в сторону беглецов. Только в сторону. Из-за воды, плескающейся возле глаз, он их не видел.

Анвар привлек звук мотора. Он повернул голову в сторону берега и увидел спешащий к месту катастрофы катер. И снова ощутил дрожь во всем теле. Он не увидел своей яхты. «Мневис» ушла на дно тихо, без всплеска. Только неестественная гладь, которую всегда можно встретить за дамбой, показывала о недавнем водовороте.

Парень лет двадцати пяти помог Эбелю подняться на борт. Пока он вытаскивал раненого Хакима, Анвар не мог думать ни о чем, кроме жены и дочери, и еще одной вещи: достоинствах этой лодки. С двумя мощными моторами ее основным режимом использования являлось

глиссирование со скоростью свыше пятидесяти узлов; значит, можно выжать шестьдесят, что казалось невозможным.

По длине корпус лодки был разбит на три отсека – форпик, каюту и кокпит. Едва хозяин катера втащил на борт Хакима, Анвар завел сначала один двигатель и дал ему полный газ, нажимая на отполированную рукоятку до отказа, затем повторил те же действия с другим мотором. Он повел катер, держа одной рукой штурвал, другой придерживая рукоятку газа. Он направлял лодку вдоль берега, надеясь, что, сокращая путь, имея небольшое преимущество в скорости, он нагонит беглеца уже напротив городка Шателайон-Плаж.

Однако Рашид изменил план. Он обошел остров, оставляя его слева по борту. И дальше следовал курсом строго на юг. Сейчас два катера шли параллельными курсами, только их разделял огромный остров. Лодка, которой управлял Анвар, шла по спокойным водам залива Антьош, тогда как катер под управлением Рашида тревожил мрачные воды Бискайского залива.

Рашид изменил направление и на пару километров приблизился к невидимой границе между «легкими и тяжелыми водами».

– У меня к тебе просьба, – обратился он к помощнику. – Никому не говори, что ты видел и слышал. Даже рыбам. – Он выстрелил помощнику в грудь и столкнул ногой в воду.

Несколько секунд спустя он обратился с подобной просьбой к Миа.

– В воду. Мне не нужен лишний балласт.

Он равнодушно смотрел на то, как Миа, прижимая к себе одной рукой девочку, спускалась за борт. Вот ее пальцы отпустили веревочный леер, проходящий вдоль борта. Сейчас Рашид даст полный газ, и ее втянет под винт, отрежет ноги. Миа резко приняла горизонтальное положение и сильно оттолкнулась от борта катера. Она будто придала ему ускорение. Несколько мгновений, и его уже нельзя было рассмотреть из-за наваливающихся волн. Миа и девочка то поднимались на самый гребень, то скользили к подошве волны; и эти моменты были самыми страшными; мать и дочь еле сдерживали приступы тошноты.

Миа полагала, что, отдыхая на спине, пlying на спине, сумеет продержаться... час. Сумеет приблизиться к берегу. Но, потеряв ориентацию, она отдалялась от него; ее словно манила пучина Бискайского залива.

Наконец ее силы иссякли. Она с трудом удерживалась на поверхности. Девочка уже давно не плакала. Она, обвинив шею матери, тоже, казалось, ждала конца. Когда Миа в последний раз в жизни вдохнула в себя воздух, Сабира невольно вдохнула вслед за ней. Миа пыталась оттолкнуть от себя дочь, но тщетно. В этом месте глубина достигала семисот метров...

Два катера выскочили из-за южного мыса острова одновременно, будто за сто метров от этого места невидимый стартер нажал на спусковой крючок пистолета.

– Оружие! – перекрикивая шум ветра и двигателей, выкрикнул Анвар. – У тебя есть оружие?

– Только ружье для подводной охоты. Я всего несколько раз стрелял из него.

– Неси, – перебил Анвар. – Быстрее!

Хозяин катера скрылся в каюте и вскоре появился с водным ружьем.

Анвар начал сближаться с катером Рашида. Он имел перед ним преимущество в скорости, потому Рашид не стал менять курс. Он, лишь придерживая рулевое колесо, поменял барабан на кольце. У него в запасе было шесть выстрелов, тогда как у его противника один.

Анвар шел уже по кильватерному следу беглеца. Вздуродраженная миллионами воздушных пузырьков вода понесла его катер на сумасшедшей скорости.

Анвар резко повернул рулевое колесо и перевалил за кильватерную струю. Он с каждым мгновением приближался к противнику и с каждым мгновением все больше и больше убеждался, что на катере нет Миа и Сабиры. Может, они в каюте, на диване-койке в самом носу?

Но через длинный прямоугольный иллюминатор их не видно. Рашид, стоя у штурвала, словно закрыл вход в единственную каюту.

Анвар подозвал хозяина лодки:

– Не сбавляй скорость, если скорость не сбросит этот негодяй. Не сворачивай с курса, если с курса не свернет он. Держи расстояние в десять метров. Держи крепче штурвал, даже если в тебя начнут стрелять.

– Я понял. Ни о чем не беспокойтесь.

Анвар передал управление катером его владельцу и приготовил к работе ружье. На суше он попадал из такого экземпляра в яблоко с расстояния в двадцать пять метров. Под водой оптимальной дистанцией он считал пять-шесть метров.

Он не стал опираться о борт, чтобы не раскачиваться вместе с лодкой. Напружинив ноги, он вел цель, взяв опережение на пару метров. Он не изменил позы, даже когда с лодки противника раздался первый пистолетный выстрел, затем второй.

Пауза. Эта пауза стала роковой для Рашида и счастливой для Анвара. Рашиду требовалось выровнять лодку, отвернуть ее от преследователя. Фактически он показал свою неподвижную фигуру, находящуюся к стрелку боком. Анвар, не мешкая, нажал на спуск. Стрела с зубчатым наконечником, разматывая тончайшую стальную проволоку, понеслась к жертве. Наконечник вошел точно между седьмым и восьмым ребром. Рашид вскрикнул от боли. Он бросил штурвал. Одной рукой он нажимал на спусковой крючок пистолета, стреляя куда попало. Другой рукой пытался вынуть из тела гарпун. Его рука вытянулась, будто была резиновая, и он дотянулся до поводка, на котором сидел так прочно, что мог избавиться от него, лишь выдрав себе ребра. Его пальцы, вцепившиеся в поводок, отсекло в одно мгновение, когда Анвар, остро прочувствовав ситуацию, резко сбавил ход. Но не дал Рашиду выпасть из лодки, снова вгоняя до упора рычаги скорости.

– Теперь он мой, – прошептал Анвар.

Он снова передал управление катером его хозяину.

– Куда катер, туда и ты. Сближайся с ним. Ты не пожалеешь, если возьмешь его на абордаж.

В этот момент Анвар походил на каскадера, собирающегося спрыгнуть с крыла одного самолета на крыло другого. Без ранца с парашютом за спиной.

Раненый Хаким, которому рулевой сделал перевязку, также тихо прошептал:

– Убей его! Убей его, Анвар...

Эбель к этому моменту уже точно знал, что на катере, кроме раненого Рашида, нет ни живых, ни мертвых. Но там был человек, который обязан понести наказание.

Рулевой, захваченный погоней, на прежней скорости почти вплотную подошел к беглецу. Анвар, поставив одну ногу на борт «капера», спокойно дожидался соприкосновения бортов.

Вот этот момент.

Анвар Эбель, вооруженный лишь ножом, ступил на палубу захваченного судна, на котором действительно хранились несметные сокровища, так, будто шагнул с перрона в вагон электрички. Он оттолкнул раненого Рашида ногой от пульта управления судном, сбросил скорость, а затем заглушил двигатель. Его действия повторил хозяин «капера». Не поворачиваясь к нему лицом, Анвар громко сказал:

– Отойди на сто – сто пятьдесят метров. Ты не должен видеть и слышать, что здесь произойдет. Хотя бы потому, чтобы ты не вздрагивал по ночам до конца своей жизни.

Анвар склонился над Рашидом и заглянул ему в глаза.

– Мне нужно знать твое имя.

К этому моменту его сердце подсказало ему: Миа и Сабиры больше нет...

– Назови мне имена твоих братьев и сестер, твоей матери и твоего отца. Мне уже не удастся защитить свой род, но я отомщу твоим родственникам. Клянусь богом – с каждым

упавшим листком календаря, на котором будет дата – 11 сентября, я буду убивать по одному твоему родственнику. Каждый год один из членов твоей семьи будет получать открытку с одной-единственной надписью: «Берегись». В своем доме я поставлю шкаф, который будет пополняться окровавленной одеждой убитого родственника. Я собираюсь прожить долгую жизнь.

Рашид на миг отпустил руку, которой сжимал другую, лишенную пальцев.

– Я сбросил их там. Может быть, они еще живы. Не убивай меня.

Теряя сознание, находясь на пороге жизни и смерти, Рашид выполнил приказ своего палача: он назвал одно имя, другое, третье...

Анвар открыл крышку подмоторной ниши, нашел там резиновый шланг. Прикинув его длину, он подтащил Рашида ближе к корме. Выдернув из его тела гарпун, вставил в рану один конец шланга, другой присоединил к трубке водяного охлаждения. Затем завел горячий еще двигатель на холостых оборотах, взвинтил их до предела. Вода, проходя по сложным каналам системы охлаждения, едва не закипала на выходе. Руки Анвара покраснели от кипятка, но он продолжал удерживать шланг на груди жертвы, пока она не сварилась изнутри.

Дальше Анвар начал рвать лодку, скрежеща зубами. В воду полетели куски пенопласта, удерживающие лодку на плаву. Он выпотрошил ее всю, как рыбу, выбросил за борт все предметы, которые могли бы оставить лодку на поверхности. Затем небольшим багром он проделал с лодкой Рашида то, что тот сотворил с его «Мневисом». Неровные отверстия в корпусе и в днище катера стали с шумом втягивать в себя забортную воду.

Прошло три минуты. Анвар подал знак рулевому и стал поджидать его, стоя на люке, ведущем в затопленный уже форпик. В одной руке он держал саквояж, в другой – черный мешочек. Он прыгнул во второй катер в тот момент, когда первый, сделав пол-оборота, словно намеревался уплыть отсюда, пошел ко дну.

...В том приблизительном месте, которое указал Рашид, катер сновал на малой скорости до глубокой ночи. Анвар звал жену и дочь.

А когда катер с уставшим рулевым причалил к пирсу, Анвар рассчитался с хозяином лодки – передал ему полный саквояж стодолларовых купюр.

– Это моя благодарность и моя просьба. Никому не говори о происхождении этих денег. Для меня они покрыты кровью, ты же отмоешь их, купив себе яхту, приобретя виллу, открыв банковский счет.

На вопрос Хакима, которого Анвар провожал до «Скорой помощи», он ответил:

– Мой враг сварился здесь, на земле, и вечно будет вариться в аду. Выздоровливай скорее, Хаким.

Глава 2

ПЯТНАДЦАТАЯ ЖЕРТВА

1

Московская область, 10 сентября 2006 года... шестнадцать лет спустя

Хаким Раух закашлялся, словно у него запершило в горле при виде этого молодого человека. Сергея Красина начальство колонии строгого режима предупредило: у Хакима астма; он чаще кашляет, чем говорит. Красин ответил на это: «Меня этот вариант устраивает».

– Вы из ФСБ? – спросил, едва сдерживая кашель, Хаким.

– Так и есть. Может, вы ждете следователя из следственного отдела? Тогда вам придется подождать. В ваших краях я проездом, можно сказать, случайно. Меня перехватили, позвонив. – Красин развел руками и артистично поиграл глазами: – И вот я здесь. Слушаю вас. Закурить вам не предлагаю – мне сказали, у вас серьезная легочная болезнь.

– Ваши эскулапы ни черта не смыслят. Они не смогут отличить легкое от сердца. Они считают, что мои приступы удушья вызваны бронхиальной астмой.

– Какой диагноз устраивает вас? – спросил Красин, начиная понимать, что теряет время. «Стоит поторопиться», – подумал он, поглядывая на часы и невольно ощущая спазм в бронхах, будто невидимые бактерии поразили его внутренности. И все же закончил мысль: – Может быть, вы обнаружили у себя туберкулез? Что еще? Я не силен в медицине. Извините, у меня мало времени. Что вы хотели сообщить сотруднику ФСБ?

– Покажите ваше удостоверение.

«Господи...»

Полковник Красин вынул из кармана корочки и раскрыл их.

Хаким Раух был удовлетворен. Хотя чуть попенял собеседнику:

– Для полковника вы молоды.

– Для больного бронхиальной астмой вы слишком свежи, – парировал Сергей.

– У меня сердечная астма. Проконсультируйтесь с врачами, я хочу получить качественные лекарственные препараты. Не бесплатно, конечно. Вы слышали имя Анвара Эбеля?

– Странное сочетание, – заметил Красин. – Фамилия на слух французская, имя – арабское. Он тоже болен?

– Не шутите так. Анвар Эбель переживет и вас, и меня.

– Насчет вас я не сомневаюсь.

– В каком отделе вы работаете?

– Я назову департамент: контрразведывательные операции.

– Мне это подходит. Так вот, пятнадцать лет назад я был очень близок к Анвару, некоторые считали меня его правой рукой. Я почти всегда сопровождал его, а зачастую всю его семью в зарубежных поездках. Анвар Эбель для своего постоянного места жительства выбрал Египет, у него роскошная вилла в Хургаде, еще несколько богатых домов во Франции, Англии. А родина Эбеля – Франция. Хотя часто его называли египтянином.

Хаким снова закашлялся. Выпив воды, продолжил:

– Мне дали слишком большой срок, я не протяну в таких жестких условиях и половины. Я готов обменять секретную информацию на... – Он запнулся, подбирая слово. – На амнистию.

– На амнистию вам вряд ли придется рассчитывать. По ходу дела вы можете выйти по УДО.

– Условно-досрочное освобождение, я знаю. Итак, вы не знаете Анвара Эбея. Я не знаю вас, не знаю, можно вам верить или нет, но вы моя последняя надежда. У Анвара Эбея когда-то было все, что он подразумевал под словом «счастье», включая в это понятие жену Миа и дочь по имени Сабира, а также любовницу по имени Камелия. А последняя предложила ему сверхсчастье. Она предложила ему бриллиант, который был похищен из частной коллекции больше ста лет назад.

– Бриллиант дорого стоил?

– Сколько, по-вашему, стоит гора Эверест или ваш пик Коммунизма? «Семирамида» – так назвал камень его первый обладатель. Чаще всего камень называли по-ассирийски – «Шаммурамат». Так звали царицу Ассирии, которая вела завоевательные войны. Возможно, это имя являлось для камня проклятием. Из-за него было пролито море крови. Он переходил от одного хозяина к другому, ни разу не был выставлен в музее. Ходили легенды, что такого камня вовсе не существует.

– Может, это действительно так?

Хахим подался вперед:

– Я видел «Шаммурамат» собственными глазами. Я понимаю, вам нужны доказательства. Сегодня десятое сентября, так?

Красин отметил дату на своих наручных часах и подтвердил:

– Да.

– Так вот, вы поверите мне, если завтра СМИ передадут новость приблизительно следующего содержания: *«Как и следовало ожидать, еще один член семьи Али Рашида, прозванного Пашой, был найден в своем доме мертвым. Убийца обошел все охранные системы, вооруженных охранников, но дело свое сделал. Это уже пятнадцатая жертва. Убийства повторяются из года в год, 11 сентября»*.

Красин встал со стула.

– Я бы поверил вам, если бы вы назвали день недели – пятницу, а число поменяли на тринадцатое. Всего вам доброго, Хахим. – Сергей приложил руку к воображаемому головному убору.

– До завтра, – вымученно улыбнулся Хахим.

Улыбка оставалась на его губах и в то время, когда в комнату для свиданий вошел офицер колонии и поторопил его:

– Быстрее. Тебе сегодня придется повечерять, чтобы выполнить дневную норму.

2

Каир, Египет

11 сентября родственники Рашида, прозванного Пашой, боялись пуще американцев, навсегда запомнивших эту дату в 2001 году. Старшая сестра Рашида Санаа за неделю до этой страшной даты уехала из Эль-Гуна, где проживала вместе с семьей, дабы не подвергать опасности родных, и поселилась в египетском отеле Atlas Zamalek. Там, в кафе при гостинице, где тон задает продвинутая молодежь, она надеялась затеряться.

Санаа зарегистрировалась в гостинице в половине одиннадцатого вечера. Привела себе в порядок в номере – приняла душ, надела открытое платье, которое, как ни странно, стройнило пятидесятилетнюю женщину, скрывало под складками лишние пять-шесть килограммов. Так что на дискотеке «Таманго», куда она подроспела к открытию – к одиннадцати вечера, Санаа не смотрелась белой вороной, а лишь вороной, слегка поседевшей.

Она давно не смотрела вживую танец живота, который долгое время был визитной карточкой Египта. Теперь египетские танцовщицы в своей стране чувствуют нарастающую конкуренцию со стороны девушек из восточных стран, даже из Украины и Молдовы. Работодатели считают, что они более профессиональны и не так капризны. О проведении подобных вечеров обычно сообщает местная пресса. Она же сообщила Санаа страшную новость, точнее, напомнила о проклятии, наложенном на ее род. Накануне она получила открытку с единственным словом: «Берегись!»

Начиная с 1991 года такие послания получили четырнадцать родственников Рашида, и все они были найдены мертвыми в ночь с 11 на 12 сентября.

Предыдущий, четырнадцатый труп подсказал Санаа, что в это дело замешаны либо черти, либо полицейские. Полицейские знали обо всех предупреждениях и успокаивали как могли. И Санаа, получив «черную метку», решила не вмешивать в семейную проблему работников правопорядка.

Она была обольстительна в молодежном наряде. Никто не рискнул бы определить ее возраст. Подростки были не прочь заключить эту зрелую женщину в объятия хотя бы во время танца; мужчины думали затаскать ее в постель.

Голова Санаа пошла кругом от всеобщего внимания. Она порядочно выпила, и если бы ей предложили пройти к шесту, просто подняться на сцену, она сделала бы больше: сбросила бы платье, оставшись в бикини. И пусть даже из потайного кармашка платья выпал бы клочок бумаги с предостережением.

Санаа потеряла голову. Она приняла предложение потанцевать от мужчины лет тридцати – гладко выбритого, с модной стрижкой.

– Меня зовут Садык, – представился партнер.

– Санаа, – назвала свое имя женщина.

Дальше последовал стандартный набор фраз:

«Вам не кажется, что здесь душно?»

«И даже очень».

На самом деле Санаа взмокла. Она стеснялась влажных подмышек, которые пропитали ее платье, своего слегка округлого живота, где также отпечатались следы пота. Но она предчувствовала, что в таком виде возбуждает того же Садыка, людей старше и младше его. Наверное, она впервые почувствовала себя самкой, источающей запах.

– Мне нужно подняться в свой номер, – сообщила женщина Садыку слегка заплетающимся языком. И подумала: если он окажется чуть более настойчив, она будет не против того,

чтобы впустить его в свой номер, а там снова извинится и уже открыто намекнет ему, что она идет под душ.

– Я провожу вас, – проявил настойчивость Садык.

Санаа ответила ему загадочной улыбкой, которую не смог бы расшифровать даже тот, чье имя стояло на этикетке бутылки вина: «Леонардо».

– Этаж? – спросил Садык.

– Пятый.

Он провел пальцем по клавишам, не спуская глаз с женщины, словно не выбирал на ощупь кнопку этажа, а расстегивал пуговицы на ее вечернем платье.

Кажется, Санаа поняла это. Или разгадала. И втянулась в игру. Их пальцы встретились, когда она провела по панели сверху вниз, с последнего этажа до первого.

Садык обнял ее и поцеловал. Она ответила ему и крепко обняла. Она чувствовала его силу и едва поборола в себе желание коснуться его бедра, сжать его, подняться выше и нащупать то, что так взволновало ее.

Из лифта они не вышли, а просто вывалились. Санаа не замечала портье, как и та старалась не замечать подвыпившую парочку.

– Ключи... – Санаа рассмеялась. Она передала сумочку спутнику. – Ключи где-то здесь.

– Мне кажется, номер открыт.

– Да?

Недоумение на лице женщины сменилось очередным смешком.

Садык толкнул дверь номера и пропустил даму вперед. Она остановилась в прихожей, уловив вдруг запах пара. *Будто на плите долго стоял чайник и почти весь выкипел.*

Странно.

– Ты хотела принять душ, ванну? – спросил Садык.

– Да, – ответила Санаа, почувствовав, как изменилось его настроение.

– Горячая ванна ждет тебя.

– Даже так?...

Она вздрогнула, когда из глубины комнаты услышала другой мужской голос:

– В ванну ее.

Сколько мужчин находилось в ее номере, Санаа не смогла бы сказать. Ее раздевали, туго заклеивали рот скотчем, связывали руки и ноги несколько человек. Не принимал участия в этих действиях лишь один человек – с властным голосом, тот, который отдал остальным приказ отвести ее в ванную комнату.

Она напрочь позабыла про предостережение. Понимала, а скорее всего отказывалась понимать, что с ней происходит.

Несколько рук погрузили ее в горячую ванну. Двое посторонились, пропуская мужчину лет пятидесяти. В руках у него был длинный гибкий шланг. Он вставил один конец в трубку с горячей водой, другой приблизил ко рту жертвы. В его руках появился нож. Он проделал в скотче отверстие, чтобы вставить в него шланг.

– Разомкни зубы, – потребовал Анвар. – Сделай это сама, иначе какое-то время ты будешь горько жалеть, что не послушалась меня.

Она походила на послушного ягненка. Или запуганного ягненка. Она разомкнула зубы. Повиновалась округлившимся глазам Анвара: «Шире. Еще шире».

Отточенным движением Анвар Эбель вставил гибкий шланг в рот женщины и неожиданно легко, словно трубка была смазана жиром, протолкнул ее глубоко внутрь. Одной рукой он перехватил горло женщины, другой открыл кран с горячей водой. Он смотрел на женщину, упивался ее страданиями, видел, как вода наполняет ее легкие, желудок, другие внутренности. Остальные палачи не смотрели в глаза жертве. Они выполняли приказ Анвара Эбеля. Только он один мог смотреть на смерть очередной жертвы.

Изо рта Санаа выливалась вода, нестерпимо горячая вода, только Эбель не отнимал руку от ее горла, будто воспоминания многолетней давности доставляли ему удовольствие. Он не ослабил хватку, когда наружу вместе с водой стал прорываться пар и тошнотворный запах внутренностей, которые перед варкой обдали кипятком.

Санаа была еще жива, но жить ей оставалось считанные мгновения. Она уже пережила самую страшную в жизни боль, теперь ей бояться было нечего. Угасая, она услышала:

– Ты не последняя. Рашиду я пообещал прожить очень долго.

Он ушел, когда жить Санаа оставалось всего лишь мгновение.

3

Московская область

13 сентября, пришедшееся на среду, перевернуло многие представления о совпадениях, роке и вендетте, едва Сергей Красин, повинувшись голосу свыше, а скорее из жалости к больному астмой заключенному, отдал распоряжение своему помощнику полазить в электронных СМИ, выяснить, не было ли статьи о кончине родственника Али Паши... 11 сентября.

Ответ застал его в машине. Он ответил на телефонный звонок майора Полякова и едва не врезался во впереди идущую машину. Сергей нашел место для съезда на обочину и заглушил двигатель. Избавился от подоспевшего постового, показав ему красные корочки службы безопасности, и возобновил разговор:

– Так когда она умерла?

– Разве я сказал «умерла»? Родную сестру Али Рашида нашли мертвой в ванной гостиничного номера со следами насилия. В основном следы носили «внутренний» характер.

– То есть?

– Кто-то накачал ее горячей водой. В статье говорится о том, что ее легкие хорошо проварились, их можно было подавать на стол подоспевшим полицейским и прилетевшим родственникам.

На следующий день Сергей Красин сидел в комнате ожиданий колонии, желая получить ответы на ряд вопросов. Однако первый вопрос задал Хаким Раух:

– Кого убили?

– Старшую сестру Рашида.

– Сварилась в собственном соку?

– Откуда вы знаете, черт возьми? Объясните, что все это значит?

– Обещаете мне досрочное освобождение?

– Я не знаю фактов. Предчувствую, что дело интересное, и, наверное, процентов на семьдесят могу вас обнадежить. Если, конечно, не вы спланировали убийство женщины отсюда, из колонии, или, во всяком случае, не назначили его на одиннадцатое число.

– На сто процентов, – поправил полковника заключенный. – Вы должны обнадежить меня на сто процентов. Потому что не учли личной выгоды, которую сулит вам это дело. Знаете, я хочу быть просто здоровым, а вам желаю стать здоровым и богатым. И могу дать вам богатство.

Красин полез в карман и достал упаковку лекарства.

– Это «Миноксидил». У вас сердечная астма. Я проконсультировался у хорошего врача. Он посоветовал именно это лекарство, потому что оно снижает артериальное давление, уменьшает нагрузку на миокард. Одним словом, дышать вам станет легче. Это еще не все.

Из кармана полковника появилась упаковка с камфорой.

– Доктор мне сказал, что раствор камфоры в масле, введенный подкожно, тонизирует дыхательный центр, оказывает непосредственное действие на сердечную мышцу. И еще, самое главное, наверное: выделяясь из организма через дыхательные пути, камфора способствует отделению мокроты. Одним словом, этот препарат улучшит легочный кровоток и функцию миокарда. Вам станет намного легче. Видите, я заучил инструкции врача.

– Благодарю вас, – тихим голосом произнес Хаким. Виновато глянув в сторону двери, принял от полковника еще и упаковку одноразовых шприцев.

– Можете не прятать шприцы и лекарства. Я договорился с начальником колонии по режиму. Начальника колонии в данное время в городе нет. Да, чуть не забыл. Врач посоветовал

вам чередовать препараты. Два дня принимайте «Миноксидил», два дня вводите под кожу камфору.

– Хорошо, я так и сделаю. – Хаким встал, на ходу распаковал «Миноксидил» и бросил в рот две таблетки, запил их водой из-под крана. Тихо выругался. – Чертова болезнь. Мне кажется, я подцепил ее здесь, в этом проклятом лагере. – Он вернулся на место и в упор посмотрел на Красина. – Так вы хотите услышать историю от начала до конца?

Красин кивнул:

– Для этого я и вернулся. Кто такой Али Рашид, родственников которого с каждым годом становится на одного меньше?

– Али Рашида еще называли почетным титулом высших должностных лиц в Османской империи – паша, – начал рассказ Хаким. – Он недолго обдумывал предложение Камелии Рагах. Камелии в 1990 году исполнилось тридцать, она была неотразима. После смерти отца стала вести его дела, хотя мало что смыслила в металлургии, в результате чего предприятие обанкротилось и не смогло платить по своим долговым обязательствам. Но еще до установления факта банкротства судом Камелии сделал единственное выгодное предложение металлургический магнат из Индии и скупил предприятие за бесценок. Камелии, чтобы выжить, пришлось продавать свое имущество. Она снова влезла в долги, ее роскошная вилла пошла с молотка, остались только фамильные драгоценности, которые также недолго украшали тонкую шею и изящные руки Камелии. У нее остался лишь один бриллиант, носящий имя «Шаммурагат». Один звонок Анвару Эбелю, с которым Камелия тайно состояла в любовных отношениях, и Анвар откликнулся на предложение любовницы. В то время Камелия и семья Анвара находились во Франции, Анвар жил на своей вилле в Ла-Рошели. Другое предложение Камелии принял человек, которого в определенных кругах и называли Али Рашид-паша.

Рассказ Хакима занял около получаса. Сергей, увлеченный повествованием, не проронил ни слова.

Хаким перевел дух. Бросил в рот еще одну таблетку.

– Я стал бояться Анвара, когда он на следующий год убил отца Рашида. Я не стал отдаваться от своего хозяина постепенно – он бы заметил это и, возможно, стал бы считать меня трусом. Я прямо сказал ему, что у меня не осталось сил служить ему, ждать известия об очередной смерти, что я вылеплен из другого теста, а если из того же, то переродился в той чертовой воде близ Ла-Рошели. Он дал мне денег, пообещал помочь, если для меня наступят плохие времена. Я поставил условие: если только я сам обращусь к нему за помощью. Он принял мои условия. Он мог убрать меня как свидетеля – единственного, не считая того счастливого, который здорово помог нам на своем катере. Но тот не знал о «Шаммурагате». Мне была нужна смена климата, обстановки. Эбель помог мне, и я вскоре получил хорошую должность в «Египетском доме» в Москве. Так мы называли штаб-квартиру нашей диаспоры. Если вы спросите, зачем я изнасиловал несовершеннолетнюю, я отвечу, что жизненного опыта у нее больше, чем у меня. Пусть это прозвучит странно, но это она изнасиловала меня. Я стоял сзади нее, но мне казалось, сзади она – с натуральным, а не искусственным членом. В тот день, 23 июля, мы праздновали День революции, я немного перебрал. Мне не стоило подсаживаться к приглашенным на праздник девицам легкого поведения.

– Вы не могли погасить конфликт, заплатив проститутке?

– Я все отрицал, кроме контакта с ней. Контакт был. А когда в дело вмешался какой-то чин из администрации города, ситуацию изменить было уже невозможно. Нашему послу в Москве пригрозили митингами и демонстрациями, выступлениями неонацистов, скинхедов под окнами посольства. Я стал жертвенным козленком. Мне пообещали полгода, в результате дали шесть. Вскоре я узнал, что «Египетский дом» под давлением какой-то организации, а скорее – группировки, отвалил пострадавшей двести тысяч долларов. Собственно, и диаспора плюнула на меня.

- Почему вы не обратились к Анвару Эбелю?
- Я не рассчитывал и не рассчитываю на его помощь. Не могу этого объяснить.
- Такое часто случается. Я задам вам еще один вопрос. Сколько Анвар выложил наличных и сколько перевел на счет Камелии за камень?
- Старинный саквояж, полный стодолларовых купюр, – это вам не «дипломат».
- Понимаю.
- Им можно было убить слона. Анвару пришлось попотеть, чтобы обналичить пять миллионов долларов. А на счет Камелии он положил. . . Точную цифру я не знаю, но больше пятидесяти миллионов. На тот момент Анвар Эбель стоил четыреста миллионов. Он много зарабатывал и много тратил, в основном покупал недвижимость, ювелирные украшения и никогда – картины. Он не любил живопись.

Прошло довольно много времени, прежде чем Сергей, выкуривший за время беседы полпачки сигарет, сказал:

- Я помогу вам. Вы рассказали все, но осталось немало белых пятен. Я распоряжусь, чтобы нас покормили здесь. Потом мы продолжим беседу. Я попрошу вас рассказать все от начала до конца, припоминая подробности. Обычно мелочи-то и помогают.
- Дьявол в мелочах. Так частенько говорил Анвар Эбель.

На следующий день Хаким почувствовал облегчение. Воспользовавшись рекомендациями полковника Красина, он набрал в шприц смесь из ампулы, на которой было написано «Камфора», и сделал себе подкожную инъекцию. Через полчаса соседи по бараку обнаружили Хакима Рауха мертвым.

Глава 3

КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА

Египет, март 2007 года

К видеокамере марки JVC, закрепленной на штативе, подошел человек в клетчато-полосатом платке, покрывающем его голову и лицо так, что на виду оставались только его черные глаза. Они в течение нескольких секунд были прикованы к миниатюрному жидкокристаллическому дисплею. Акхавани остался доволен увиденным: все пять человек попадали в кадр. Трое стояли на коленях, со связанными руками. Двое, вооруженных автоматами Калашникова, стояли за спинами приговоренных к казни.

Их привели в этот сырой подвал рано утром – не было еще пяти, и первое, что они увидели, – жуткое подобие зрительного зала, совмещенного со сценой. Наспех сколоченные лавки стояли вдоль дальней стены в два ряда, но пока пустовали. Любители посмотреть на казнь еще не жили в своих кроватях. Кто-то получил ласки от юных красавиц, кто-то от юных красавцев. Кочевая жизнь приучила их получать удовольствие и в полевых условиях. Мужчины средних лет влюблялись в безусых красавцев, проводили вместе ночи напролет и на передовой всегда были вместе. Их руки так привыкли друг к другу, что они узнавали их с первого же прикосновения.

Этот отряд террористов считали ячейкой «Аль-Кайды». На деле же «Посвященные» подчинялись только своему командиру по имени Садык, а тот выполнял приказы Анвара Эбея. Они пришли из Палестины, где «немного постреляли в израильтян». Этой вылазкой нельзя было похвастаться. На счету отряда в этот раз два или три раненых солдата. И – удача! – на обратном пути им встретились «стервятники с камерами и микрофонами». Они не разрабатывали план захвата специально. Так получилось, что микроавтобус, на котором они ехали в Каир, подрезал автомобиль с российской съемочной группой. Садык тут же отдал приказ, и опытный водитель вначале прижал внедорожник с крупной надписью на бортах и на крыше «PRESS» к обочине, а затем перекрыл ему дорогу. Садык, оглядев журналистов, удовлетворенно покивал: тут было чем поживиться.

– В машину их, – распорядился он.

Несколько мгновений – и все трое россиян оказались в микроавтобусе.

Садык обратил внимание на журналистку, указал большим пальцем за спину, где осталась на обочине съемочная группа, и спросил:

– Зачем вы подписываете свои секс-машины – «Я вся твоя», «Поезжай за мной», «Хочешь меня?»...

Именно так переводилось террористами короткое слово «Пресса», которое было видно как из глубокой ямы, так и с воздуха.

– Вы несете ложь, сеете вражду, – продолжил Садык. – Вы снимаете одно, а комментируете совсем другое. Аллах покарал вас, когда указал мне на вашу машину с надписью «Расстреляйте нас».

Интендантская группа «Посвященных», также исполняющая обязанности квартирмейстеров, подготовила к этому времени сносное помещение в заброшенной мечети-медресе, что на окраине Каира. Интендант отряда, одетый в пыльные джинсы, рубашку с закатанными рукавами и кроссовки, сообщил Садыку, что эта мечеть-медресе построена султаном Баркуком в конце четырнадцатого века. На что Садык ответил коротко:

– Мне наплевать. – И тут же продемонстрировал свое отношение к заброшенному памятнику старины, плюнув на стену.

Он занял отдельную комнату, где еще сохранился потолок, и решал непростую задачу. Русские заложники хороши, если их содержать в России. Здесь они, по сути дела, бесполезны. Русские дипломаты, члены русской общины и прочие начнут тянуть резину, и она в конце концов лопнет – это не домыслы, а голая реальность, рассуждал Садык. Он увидел в съемочной группе «приличное пугало о трех головах».

Случайные русские заложники фактически стояли в помещении, размером с туалет в пассажирском вагоне. На третий день их вывели в коридор, заваленный отвалившимися от стен камнями, сгнившими балками, и завели в комнату, которая сказала пленникам все...

Садык пришел последним и занял лучшее место – в середине первого ряда. Прямо напротив него стояла на коленях женщина лет тридцати с небольшим. В ее глазах было выражение ужаса. Справа и слева от нее – двое мужчин, и тот же ужас в глазах.

Женщина что-то хотела сказать, но один из палачей несильно ударил ее прикладом в шею – предупреждая, что в следующий раз ударит наотмашь.

Оператор-любитель, включив камеру, занял место позади женщины. Садык подал знак своему товарищу, и тот завязал глаза широкой повязкой сначала женщине, потом мужчинам.

– Спины выпрямить, головы наклонить, – распорядился Акхавани. Ему пришлось работать с женщиной. Но пол ему был безразличен: она была и остается неверной.

Садык сделал знак рукой: «Начинай».

Акхавани зачитал по бумажке, коверкая английские слова:

– Вы похожи на останки в братской могиле: одинаковые черепа, кости, даже чудом сохранившиеся лохмотья. Мы будем убивать вас по всему миру. Вы напрасно думаете, что за вас мы попросим выкуп. Нет. И пусть об этом узнают ваши родственники, весь мир. Выкуп нам заплатят толстозадые чиновники из белых домов, парламентов. Смерть неверным. Аллах акбар!

Все трое палачей опустили «калашниковы» и разом спустили курки.

Акхавани ничего не понял, когда его стрелковое оружие дало осечку. К этому времени он сильно надавил стволом автомата в основание шеи женщины. Выстрел в это место убил бы ее мгновенно.

Боевик пришел в ярость. Он хорошо был знаком с неписаным законом предков: если ты не поразил жертву с первого раза, жертву отпускают. Но не в этом случае, был уверен Акхавани. Он, коротко замахнувшись, ударил женщину в спину. Она к этому времени упала на пол, не понимая, что чудом избежала смерти. Акхавани выдал две форсированные очереди, стараясь попасть женщине в голову и чтобы пули не срикошетили в товарищей. При этом он брызгал слюной, выкрикивал слова, которые любой, кроме его товарищей, принял бы за бред: «Шкуру, шкуру стущу!»

Садык первым встал с места. Подошел к видеокамере и выключил ее. Он поторопился покинуть помещение, где остались три трупа.

Глава 4

СЫРАЯ ЛЕГЕНДА

1

Москва, июль 2007 года

Красин, Ленарт и Поляков в управлении были известны не меньше, чем Эмерсон, Лайк и Палмер у себя на родине. Красин и Поляков сидели в кафе на Кузнецком Мосту, когда позвонил Ленарт. Красин назвал адрес заведения и, когда связь с Ленартом оборвалась, ответил на немой вопрос товарища:

– Вадим нарыл что-то по Эбелю.

Так называемое «дело Эбеля» находилось в разработке отдела контрразведывательных операций четыре месяца. Неофициально работу над ним Красин, Поляков, Ленарт не прекращали. Главная проблема – не было выхода на Анвара Эбеля. Будущий миллионер с малых лет проживал в Каире, хотя имел французские корни – его дальний родственник был французским биохимиком, профессором. И даже тот факт, что родственник Эбеля являлся с конца восьмидесятых годов иностранным членом Академии наук СССР, а позже иностранным членом РАН, все равно не давал выход на него.

Ленарт оставил свою машину на парковке возле дома, на место встречи приехал на метро, сэконобив добрых сорок минут. Заказав пива, приступил к делу:

– В Каире есть Центр молекулярной генетики. Существует он пятнадцать лет. Все эти годы им заведовал один человек по фамилии Хассид.

– Он вхож в круги Эбеля?

Ленарт поморщился от новодеревенской лексики Красина.

– Это нам и предстоит выяснить, – тоном неумолимого человека сказал он.

Сергей развел руки в стороны, недоумевая и вопрошая одновременно. Он был руководителем группы, исполнял обязанности аналитика; полковничьи погоны он получил год назад, едва ему исполнилось двадцать восемь. Ленарт и Поляков имели на две звезды меньше и были на пару лет младше.

Настроение у Красина было хорошее, несмотря на то что утром он пролил на себя кофе, а на лобовом стекле машины обнаружил свежие следы птичьего помета.

– Расскажи о Хассиде, – попросил он товарища.

– Хассид, можно сказать, стажировался в России. Был *вхож* в московский Центр молекулярной генетики, – с капелькой яда акцентировал он.

– То есть Хассид работал в нашем Центре?

– Ровно год. Потом началось самое интересное. Московские генетики закупали оборудование за рубежом, заказывали его в российских фирмах. У Хассида слюни текли: в Каире у него было сносное здание для лаборатории, но не было спонсоров, денег, чтобы превратить его в частный центр, как это сделали наши.

– Хассид нашел деньги?

– Ему открыли кредит в банке «Северсталь Инвест». Этот банк контролировала наша контора. Хассид подписал пару бумаг, из которых следовало, что он не прочь сотрудничать с российской контрразведкой.

– Он рассчитался с долгами? – спросил Красин.

- Раньше установленных сроков, – подтвердил Ленарт.
- Точнее, – потребовал полковник.
- Полтора года – и Хассид начинает работать на себя. Тысячи дорогостоящих экспертиз, длинные очереди, бешеные деньги.
- Он богат?
- Он все деньги вкладывает в развитие новых технологий, на закупку современного оборудования, является меценатом, покровительствует онкологически больным детям.
- Тысячи тестов, тысячи экспертиз, – повторил сказанное Ленартом Красин. И подвел итог: – Это тысячи связей. Этот Хассид ценный кадр, полон секретов. Наша служба задействовала его как агента?
- Нет. О нем забыли. Нашему ведомству меняли аббревиатуры, как повязки в гнойном отделении больницы, пять раз на день. – Ленарт брезгливо сморщился. – Мы пережили пять перестроек. Считай, пять пожаров. Банк «Северсталь Инвест» больше не существует. Отдел, который занимался вербовкой Хассида, посчитал работу с ним бесперспективной.
- Почему?
- Не уточнял.
- Хорошо. Кроме последнего вопроса, тумана я не вижу. Что ты предлагаешь, Вадим? Гадать на клиентах Хассида?
- Хороший вопрос, – хмыкнул Ленарт. – Мы работали по Анвару Эбелю, как ни по одному клиенту. Лично я знаю его биографию лучше, чем свою. Если вернуться на семнадцать лет назад, можно стать свидетелями трагедии.
- Пропавшую дочь Эбеля имеешь в виду? – спросил Красин, собрав на лбу морщины.
- Да. Ее звали Сабира.
- Кажется, я тебя понимаю. Ты предлагаешь найти ей замену, воскресить, преподнести подарок на блюдечке. Эбель примет его, но обратится к ведущим специалистам по молекулярной генетике, то есть к Хассиду. И получит от него заключение – биологическое родство установлено. – Красин усмехнулся: – Толково.
- Не смотри на меня так. Я просто предложил.
- Ну хорошо. А где взять опытного агента-женщину? И не просто женщину, а девушку в возрасте девятнадцати лет? И не просто девушку, а девушку с восточными чертами. Анвар Эбель наполовину француз, наполовину араб, его покойная жена была той же «масти». Я не спорю, за пару лет можно подготовить такого агента. Можно издеваться над своим самолюбием, представляя себе клона с нужной группой крови и стопроцентным отцовством. Ты согласен ждать хотя бы два года, Вадим?
- Ленарт не ответил.
- Красин мрачно усмехнулся:
- Теперь скажи, откуда ты почерпнул эти сведения?
- В нашей группе я на обеспечении и добыче сижу, сразу два стула занимаю. – Ленарт поймал недовольный взгляд начальника и ответил на вопрос: – Из нашего архива. Узнал адрес офицера, который ведал вербовкой Хассида. Ему сейчас под шестьдесят, но память работает как часы. Он припомнил все детали, которые другой посчитал бы мелочами и не забивал бы ими свою голову. Ходячий архив.
- Он входил в группу, контролирующую «Северсталь»?
- Он тесно контактировал с ней.
- Когда Хассид подписывал бумаги о сотрудничестве и поглядывал на вербовщика, мы с вами, – Красин посмотрел на Ленарта и Полякова, указал большим пальцем на себя, – не помышляли о контрразведке. Я уважаю «стариков», но работать с ними – даже в этом деле – не стал бы.

Ему казалось, что предыдущее поколение контрразведчиков было ненадежным, шатким, замешанным на прокисших советских дрожжах. Таким же был руководящий состав службы. Закваску последнего поколения рыцарей плаща и кинжала он считал свежей, подход к работе – современным.

– Красивая версия, – подвел итог разговору Красин. И промурлыкал, артистично выгнув бровь: – «Мы с тобой не собьемся с пути, потому что дороги не знаем».

Строчки из песни Надежды Кадышевой преследовали его по пути к машине, по пути домой. И дома он не мог избавиться от них.

Предчувствие болезни. Так он оценил свое состояние. Он всегда чувствовал приближение гриппа, простуды. Об этом ему говорили отяжелевшие вдруг глаза, свинцовые веки, ломота в костях, озноб.

И вот сейчас Красин ощущал нечто схожее.

Красивая версия не давала ему покоя.

Требуется девятнадцатилетняя незамужняя... с опытом работы... с внешними данными... с восточными чертами...

Красин отдавал себе отчет, что циклится на одном варианте, понимая, что он хорош, единственный в своем роде. Красивый. Королева должна дать шах и мат королю. И ему трудно было отделаться от этих мыслей, эмоций.

Сергей предвидел развитие событий, но не видел главного – исполнительницы. А если представлял ее, то – с размытыми чертами.

Он повесил на стену обложку из молодежного журнала с изображением дагестанки Жасмин как образец. Покачал головой. Нет. Хоть и красива, но обеспеченна, горда. Искусственный вариант, сырая легенда.

Легенда.

Пока он не увидит кандидата, о легенде можно забыть.

Он был готов влюбиться в образ, который плохо себе представлял. Наверное, потому, что ему полюбилась идея, которую ему преподнес Вадим Ленарт. Хорошо это или плохо? «Паршиво, – вздохнул он. – Паршиво, что я докатился до таких вопросов».

2

Директора управления контрразведывательных операций Михайлова Евгения Ивановича подчиненные за глаза называли Доцентом, Михайлов относился к прозвищу добродушно.

Он лично связался с Красиным по телефону и отдал распоряжение:

– В семнадцать ровно ко мне. Со всеми материалами по делу Плотниковой. С новыми соображениями и идеями. В полном составе.

В трубке раздалось: «Есть, товарищ генерал!» – и Михайлов повесил трубку. Затем неожиданно изменил решение. Он не собирался нагрянуть в офис Красина неожиданно, застать врасплох и прочее. Михайлову почему-то показалось, что в рабочем кабинете начальника группы ему будет легче воспринимать доклады, принимать решения. А точнее – настраиваться.

Он снова побеспокоил Красина. Отметив время – без четверти четыре, бросил в трубку:

– Я подъеду через пятнадцать минут.

Затем отдал распоряжение адъютанту:

– Машину к подъезду.

Кабинет Красина ничем не отличался от помещений для групп отдела разведки, даже количество старших оперативных офицеров не превышало трех человек. В кабинете было три рабочих стола. Два спаренных, за которыми работали Ленарт и Поляков, и стоящий отдельно – начальника группы. В углу пристроился высокий сейф, принадлежащий Красину. Два сейфа поменьше стояли справа от входной двери, изнутри и снаружи обитой черной кожей.

Кабинет располагался на втором этаже здания. К нему вела широкая мраморная лестница и узкий коридор с лампами дневного освещения.

Генерал Михайлов миновал лестничную площадку, называемую квадратом, и в ответ на приветствие караульного сухо кивнул. Собственно, повторилась процедура на входе в здание.

Сергей Красин слегка нервничал. Генерал перенес время и место встречи. Во всяком случае, в кино так не делают. Поляков, разумеется, задержится на десять-пятнадцать минут, о чем и предупредил во время телефонного разговора. Красин спросил его:

– Ты где? Здорово еще раз.

Поляков ответил в обратном порядке:

– Привет. На подходе.

– Шустрее. Доцент будет у нас с минуты на минуту.

Встречи в полном составе не получится, еще раз подсадовал Красин. Как раз в это время дверь кабинета распахнулась, и через порог перешагнул генерал, одетый в модный костюм в темно-серую полоску.

Оглядев пустые столы и сделав вид, будто нагибается, чтобы пошарить глазами под столами, генерал съязвил:

– Время отпусков?

– Ленарт еще вчера вечером предупредил, что задержится.

– По какой причине? – спросил Михайлов, занимая место отсутствующего майора.

– Он на этом этапе операции пахал больше остальных.

– Говорят, счастлив тот человек, от которого после тяжелого дня пахнет потом.

– Да, это про Ленарта. Когда он ест, он потеет. Я докладывал вам: идея внедрения к Эбелю агента принадлежит Вадиму. Идея родилась после его же удачной находки законсервированного агента по имени Хассид.

– И вот сейчас Ленарт довершает начатое.

– Вроде того, – неопределенно ответил Красин. И живо представил Вадима с табличкой на груди: «Я счастливый придурок, опаздывающий на работу».

Михайлов вытер пот со лба, попеняв неизвестно кому:

– Ну и лето. Какая жара... Мои за городом от жары маются, что говорить о нас, горожанах. Я вижу выход в том, чтобы приезжать на работу по утреннему холодку, а уезжать по вечернему.

– А жить-то когда? – неожиданно для себя произнес Сергей.

– По пути, – выдал готовый ответ генерал. – Тогда, как пелось в песне, старость тебя дома не застанет.

Он недолго занимал место Ленарта. Когда явился Поляков, протиснувшись в приоткрытую дверь так, словно в коридоре стояла лютая стужа и майор боялся выпустить из кабинета хоть толику тепла, Михайлов подошел к стене, где крепились на кнопках документы дел, находящихся в разработке группы. Он надолго задержал взгляд на снимке женщины лет тридцати пяти, подписанный как «Маргарита Плотникова». Рядом с этим снимком два других: Андрея Плотникова и Николая Хасиева.

Михайлов повернулся к подчиненным и жестом усадил их на рабочие места.

Сам же остался стоять. Красноречивым взглядом показал Красину: «Можешь начинать».

Полковнику показалось, что генерал разыгрывал перед подчиненными заранее отрепетированную сцену.

Он знал, что именно хочет услышать шеф. Ему требовалось освежить память, настроиться. И тут Красин не ошибся. И пусть даже он начнет «не с того места», генерал поправит его. Он будто слышал его: «Дело вступает в качественно новую фазу. Молодцы, ребята, хорошо поработали. Итак, пробежимся по известным уже фактам. Давай, Сережа, докладывай – как, почему, с чего все началось».

Красин открыл свой сейф, вынул четыре пухлые папки; на титульном листе верхней папки было выведено имя Анвара Эбея – это было личное дело, заведенное на египтянина.

– Маргарита Плотникова, – произнес Красин, открыв другую папку. – За шесть лет работы на центральном телеканале приобрела репутацию классного репортера. Последние два года ее съемочная группа вела репортажи из стран Ближнего Востока. Четыре месяца назад, а точнее – 2 марта, Плотникова, ее помощник – он же муж Плотниковой – и оператор попали в руки террористической группировки «Посвященные». Террористы не выдвинули никаких требований. Затем как гром среди ясного неба – на сайте террористов в Осло появились кадры казни членов съемочной группы. Западные аналитики и специалисты в один голос утверждали, что запись документальная. Эксперты из нашей службы подвергли сомнению подлинность казни и заявили, что короткий ролик лишь выдается за настоящий, а на самом деле – смонтированный.

– Хорошо, дальше, – удовлетворенный пояснением, кивнул Доцент, прохаживаясь вдоль столов.

– Не прошло и двух недель после показа ролика по ТВ и в Сети, как на одном из сайтов, предположительно принадлежащем группировке «Посвященные», была опубликована статья, обличающая преступные действия российского руководства. – Красин выдержал короткую паузу. – На эту статью наткнулся я. Невзначай.

– Такое иногда случается. Слушаю тебя. Что именно тебя привлекло в статье? Ведь обличительные, как ты говоришь, статьи в средствах массовой информации уже можно не черпать, а откачивать.

– Меня насторожил стиль. Плотниковой тридцать пять. До того как ее пригласили на телевидение, у нее была своя колонка в «Известиях», затем в «Независимой газете». Она профессионал, наработала, если хотите, свой стиль – немного выразительной язвы на мрачном фоне – так я охарактеризовал бы... ее своеобразное творчество, – с запинкой закончил полковник.

Он бросил незаметный взгляд на Полякова. Тот сидел с прямой спиной, смотрел прямо перед собой, словно впал в ступор. Ни разу во время доклада начальника группы не поддакнул, не кивнул. Казался истуканом.

– Что ты предпринял дальше?

– Мы, – Красин повернул голову в сторону подчиненного, жалея, что не может пнуть его под столом, – подключили к работе экспертов по лингвистическому анализу, коллег и друзей Плотниковой, кто был знаком с ее...

– Свообразным творчеством, – подсказал Доцент.

– Ну да, – вынужден был подтвердить Красин. И мысленно чуть переиначил Штирлица: «Трудно работать. Столько развелось идиотов, повторяющих за умными людьми правильные слова». – Все как один сошлись во мнении, что статья написана Плотниковой, – продолжил он. – Стилль, только ей присущие обороты, которые некоторые журналисты окрестили «новым словом», будто говорили: «Я жива. Помогите». Собственно, запрашивался вывод: Плотникова работала под контролем «Посвященных», организации, которую финансировал Анвар Эбель. – Красин положил руку на папку с его личным делом. – Кроме подразделения охраны, Эбель держит под рукой мобильную группировку боевиков. Четверо-пятеро – это боевое ядро, столько же работают на подстраховке: отход, транспорт. Плюс группа, которая собирает в своем районе ответственности информацию о потенциальных жертвах. Они ничем не брезгают. Во главе отряда стоит человек по имени Садык. Мы почти ничего о нем не знаем. Предположительно он начал работать на Эбеля в начале девяностых годов.

– Хорошо. Вернемся непосредственно к Плотниковой. Могла ли она содержаться в подвале, зиндане, в нечеловеческих условиях? – спросил генерал.

Красин покачал головой:

– Не уверен. То есть я лично так не думаю. Да и наши аналитики пришли к мнению: нет.

– Почему нет?

– Для качественной работы нужны соответствующие условия, – пояснил Сергей. – Но сколько она еще сможет продержаться на статьях, которые для нее являются и наркотиком, и обезболивающим?

– Это одно и то же. Кстати, сколько всего статей было опубликовано?

– За три месяца одиннадцать. То есть со дня выхода ролика, на котором якобы запечатлен расстрел съемочной группы. Возможно, Поляков и Хасиев действительно были убиты, а Маргариту Плотникову террористы пощадили, чтобы использовать ее опыт и талант себе во благо. Скорее всего, выстрел в нее был холостым.

– Но она тут же упала.

– Нет. Ее голова дернулась. Террорист, который стрелял в нее, толкнул ее в спину, Плотникова упала на живот. Автоматчик выстрелил в нее двумя очередями. Я хочу отметить один существенный момент: «посвященный» ударил Плотникову *очень сильно*. Таким ударом можно отключить сильного мужчину, что уж говорить о хрупкой женщине. Она и отключилась, не двигалась. То есть был создан момент, на который рассчитывали террористы. Дальше в кадр попала кровь. При тщательном изучении мы пришли к выводу, что кровь вытекала из раны, скорее всего, Николая Хасиева, а на общем плане казалось, что соединились два потока.

– Что с тобой? – спросил генерал. – Заразился стилем Плотниковой и присущими только ей оборотами?

– Вроде того, – произнес Красин, зараженный другим недугом, не в силах освободиться от созданного им образа девушки-агента.

– Значит, нет никаких подтверждений того, что оператор и муж Плотниковой живы.

– Нет. – Красин покачал головой. – Плотникова тоже проходит как *условно живая*. Но работу бросать нельзя.

– Условно живая. – Генерал кивнул. – Хороший термин.

Он подумал об этом в следующем ключе. Хороший термин или нет, но его ни в устный, ни в письменный доклад не вставишь. Поскольку сдерживать натиск и отчитываться по «делу Плотниковой» приходилось, во-первых, перед Кремлем, ибо Плотникова говорила в угоду ему. Центральный канал являлся рупором руководства страны, двадцать четыре часа в сутки пиарил политическую деятельность, шагал путем демократии, и этот факт генерал Михайлов посчитал главной пакостью. Другая проблема заключалась в якобы нерушимой солидарности журналистской братии. Готовые перегрызть друг другу глотку, они стояли друг за друга насмерть, как пуговицы на пресловутом пиджаке, пришитые насмерть, не оторвешь; в то же время они были готовы продать друг друга и имели на этот случай прайс-листы под подушкой.

И, наконец, третья проблема – родственники пропавших сотрудников телекомпании. По сути дела, это Красин устроил ажиотаж вокруг «воскресшей» журналистки, объяснив это просто и доходчиво, в то же время круто: она работает под контролем террористической группировки, и стиль в ее статьях говорит: «Я жива. Помогите».

Генерал Михайлов испытывал непосильное давление. На прошлой неделе на его стол лег депутатский запрос по все той же наболевшей теме. Он порвал запечатанный конверт, не собираясь отправлять ответы на Охотный Ряд.

Глава 5

ТРЕБУЕТСЯ ДЕВЯТНАДЦАТИЛЕТНЯЯ...

1

Ленарт не умел спокойно входить в помещения. Он не открывал, а толкал двери. Он не стучал в них, а грохотал. Он не перешагивал через порог, а перепрыгивал.

Он взял с места в карьер, едва занял место за своим рабочим столом.

– Знаешь майора Тартакова из профильного отдела военной контрразведки?

– Я помню его, – отозвался Красин. – Ему сорок с лишним, выглядит на полста с небольшим. – Полковник усмехнулся и шелкнул себя по горлу. – Продвижению по службе помешало бухло. У кого-то карьерная лестница была устлана ковровой дорожкой, у кого-то огорожена металлической сеткой, за которой претенденты грызли друг другу глотки. У нашего же майора лестница была уставлена бутылками и стаканами, килькой и черным хлебом. Вот так он и засиживался на каждой ступеньке.

Красина понесло, как Остапа Бендера. Собственно, он повторял слова матери, обращенные к отцу, который с пятидесяти граммов слетал с катушек.

– Какой прок в том, что ты бросишь пить на месяц? Не успеешь освободиться от тяги, почувствовать прелесть здорового образа жизни, чтобы сказать себе: «Господи боже, на фиг я годами глотал эту дрянь?»

Вадим округлил глаза: «Ты кончил?»

– На кой хрен нам нужен этот алкаш? – ответил разгоряченный Сергей на немой вопрос напарника.

– Этот алкаш твой коллега.

– Чего? – нахмурился Красин.

– Тартаков никогда не вел дела, но через его руки прошли десятки *интересных* дел, – напомнил Ленарт. – А это не одно и то же. Как и ты, он совмещал две должности – аналитика и прогнозиста. Думаю, за небольшое угощение он сможет подкинуть идею насчет исполнителей, поделиться связями, которые вывели бы на искомого человека.

– Он все еще на службе? – удивился Красин.

– Дали пинка под зад в сентябре прошлого года. Он накануне отставки под машину попал, ребра, ногу сломал.

– Алкаш-инвалид?

– А что?

– Ничего. Неплохую идею ты мне подкинул.

– Но ты клюнул на нее?

– Это лучше, чем ничего. Еще идеи, кандидатуры есть?

– Скорее нет, чем да.

– Спасибо и на этом.

Красин надолго задумался. Он научился отключаться от внешнего мира в любой обстановке. Сейчас Ленарт и Поляков что-то обсуждали, горячо жестикулируя, но Сергей не слышал их. Это дело изначально не изобиловало шансами на успех. Вот и теперь появился шанс в образе Тартакова – остромордого, хитрого... и выпить не дурака. Сергей рассмеялся над краткой характеристикой на майора.

Мало– помалу Красин вспоминал не самого майора, а разговоры вокруг него. Год или два назад он услышал: «Тартаков пропил законное место наверху. У него облик майорский, а мозги генеральские».

Красин хмыкнул.

– Вадим, подсуетись насчет встречи с Тартаковым.

– На встречу пойдешь ты или я?

– Ты у нас добывающий орган, не забыл?

Вадим, зная «ментовские» методы старшего группы, выбрал местом встречи недорогое кафе на Мытной.

Красин переоделся в кабинете. Сняв костюм и повесив его в шкаф, надел джинсы, плотную рубашку. Табельный пистолет запер в сейф. Пошел палками, подзывая Ленарта.

– Подкинь-ка денжат. Тартаков может свалиться с одной рюмки, но вдруг ему для продолжения банкета понадобится ведро?

Сергей не сразу поехал на встречу, а завернул домой проверить, не потек ли гибкий шланг для холодной воды, который он заменил вчера вечером. Открыв мойку, пошарил рукой и нащупал шланг. Холодный, но сухой. Включил электрочайник. Через минуту выключил: собрался же в кафе.

Красин был холост и не планировал завести семью. Общения ему хватало на работе, женскую ласку он получал из случайных знакомств. Он не считал себя неуживчивым, но больше трех месяцев его связи с женщинами не продолжались. Месяц или два мог обходиться без слабого пола, особенно в то время, когда работы было невпроворот и он не всегда ночевал дома.

Дом – это святое, был уверен Сергей. Если даешь кому-то ключ для интимной встречи, ты разрушаешь его ауру, и дом становится мертвым. Даже обилие друзей в выходные и по праздникам оставляют в душе дома незаживающие рубцы.

Еще одна непростая тема – родители. Сергей довольно поздно освободился от их опеки, а попросту – разругался с ними по какой-то мелкой причине. Но это был период головокружительной карьеры: в двадцать пять он уже майор и обладатель двух дипломов о высшем образовании; близко к завершению громкое дело о терроризме, и впереди маячит еще одна звезда. Он *вхож* в кабинеты к высшим руководителям службы; о работе отдела нередко упоминали в прессе. Он походил на машиниста поезда, а свое начальство сравнивал с пассажирами спальных вагонов. Впрочем, ему быстро надоела тема – кто кого тащит и кто на ком зарабатывает очки. Уже через год его популярность опустилась ниже уровня инфляции – так назвал это неизбежное падение сам Сергей. Случилась еще одна вспышка активности – когда ему присвоили полковника. Он с неделю купался в лучах подзабытой славы, а потом снова влез в рутину.

Та неделя примирила его с родителями. Мать поздравила его по телефону и спросила: «Хорошо отметил полковничье звание?» – «Не знаю, мам, – ответил он. – Пленку еще не проявляли». Вечером он с огромным букетом цветов для матери и бутылкой минеральной воды для отца навестил родителей. Мать долго смотрела на «блудного сына», потом сказала: «Эх ты, Дима Горин...» Его карьера не была похожа на карьеру киношного персонажа в исполнении Александра Демьяненко в далеком 1961 году, но в одном мать оказалась права: он выбрал свой нелегкий путь. И он неуклюже постарался объяснить: «Я такой, какой есть. Если бы я не был собой, кем бы я был?»

Он не любил копаться в своем прошлом – все мысли о будущем. Когда долго не мог заснуть, призывал видения из прошлого и плескался в них, пока не засыпал.

Однажды ему приснился сон: он на берегу лагуны, спрятанной внутри атолла. Позади – бунгало, окруженное живой изгородью. Табличка с надписью: «Остров свободы». Это его остров. Обросший, с длинными волосами, он купается в кристальной воде, под водой целуется с обнаженной креолкой. А под конец сна, очутившись на краю атолла, видит вдали самое

страшное – очертания приближающегося парохода под названием «ЦИВИЛИЗАЦИЯ». Его сон походил на сюжет фильма «Синьор Робинзон», но это был его сон, его выбор, его интересы.

Сергей пробыл дома около часа. Успел посмотреть блок новостей, подмести пол, убрать кровать, полить цветы, позвонить новой знакомой, сказать ей обыденное: «Вечером я заскочу к тебе?...»

2

На предложение Красина: «Ну что, опрокинем по рюмочке?» – Тартаков кивнул. Он пришел в старых джинсах, тонком шерстяном свитере. Принес с собой запах довольно приличного одеколona, и вообще он выглядел пристойно. Однако не мог скрыть синюшных припухлостей под глазами и болезненного озноба – он часто подергивал плечами.

Обстановка в кафе располагала к откровенному разговору. Низкий потолок, словно замаскированные по углам светильники, спаренные столики. Именно эта деталь вызвала на губах Красина улыбку. Он подумал о том, что можно легко погасить ссору, стоит лишь отодвинуться от собеседника вместе со столом.

Он начал беседу с прилипшей фразы:

«Требуется девятнадцатилетняя... с восточными чертами...»

Он умел излагать в любой форме. Мог затянуть разговор, не давая собеседнику заскучать, мог объясниться в двух словах. Майор в этом плане оказался круче молодого полковника и понял его с полуслова.

– Я знаю, кто вам нужен.

– Я тоже.

– Погодите. – Майор остановил полковника мягким жестом руки. – Я сотни раз давал рекомендации таким, как вы. Я сидел на анализе много лет, даже все мои кабинеты располагались рядом с нужниками. Если я сказал, что знаю, кто вам нужен, это означает, что мне известно его имя. Что вам известно о секретном проекте ГРУ «Организованный резерв»?

Майор подался вперед, и Сергей с близкого расстояния увидел его блеклые, будто принадлежащие сумасшедшему глаза. Сейчас он один в один походил на каннибала Лектера. Красину даже показалось, что их разделяет пуленепробиваемое стекло, а голосовую связь обеспечивают отверстия в прозрачной перегородке. Красин мысленно отдал должное майору, который невольно разыграл эту сцену, ведь полковник пришел к «маньяку» за советом, а тот, зная ответ, сам начал задавать вопросы.

Красин чуть заметно покачал головой: «Нет, этому майору уже никогда не выбраться из этих кафе, схожих с забегаловками. Он отбывает в них пожизненный срок».

Тартаков принял прежнее положение. Смочив горло добрым глотком пива, приступил к главному:

– Ровно десять лет назад в Министерстве обороны было принято решение взять шефство над беспризорниками. Своим личным приказом министр обороны создал рабочую группу, руководство которой возложил на шефа главка по воспитательной работе. Разведывательное управление предоставило базу, чтобы создать новое учебное заведение по типу суворовских училищ. Уволенные офицеры, инструкторы военной разведки стали преподавателями у подростков. ГРУ легально объявило о занятиях по военно-прикладным видам спорта. И пока беспризорники занимались спортом на военной базе, к ним присматривались опытные инструкторы, отбирали лучших подростков для обучения по программе спецназа. Спустя год группа подростков – юноши и девушки в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет – выводится из единой системы образования Вооруженных сил как отдельная школа. Она стала называться «Инкубатором». И там начала функционировать диверсионная школа. Этот проект военной разведки и получил название «Организованный резерв».

– Я слышал о проекте ГРУ, – кивнул Красин, подсадив на себя, на свою память, которую до сей поры считал непогрешимой. Он даже припомнил, в бумажку какого содержания был завернут сыр:

«Совместно с Администрацией Президента Российской Федерации, Правительством России Министерство обороны проводит акции для детей-сирот под девизом „Вам жить в

XXI веке“. Цель акций – усилить воспитательную работу с несовершеннолетними гражданами страны».

– Беспризорников отлавливали и сажали в камеры, – продолжил майор, словно подслушал мысли собеседника. – За ними приезжали покупатели от военной разведки и прямо в отделениях милиции производили первые отборы кандидатов. И чем дальше, тем мельче становилось сито. В «Инкубатор» попадали единицы, курсантов заставляли вкалывать на пять. И так каждые два года.

– Вам приходилось работать с выпускниками «Инкубатора»? – спросил Красин. – Они проходили по какому-то делу? Были задействованы в операциях? Расскажите, что вы о них знаете.

– «Организованный резерв». – Майор Тартаков произнес эти слова не без доли брезгливости. – Первые эмоции при воспоминании о нем связаны с грязной историей годичной давности. Речь идет об устранении генерала-предателя от военной разведки. Он работал в российском посольстве в Риме, являлся военным атташе и резидентом ГРУ. Погрязший в коррупции, причастный к хищению денег из бюджета Минобороны, он не решился вернуться на родину. Он опередил тех, кто хотел видеть его на скамье подсудимых, – контрразведку, и тех, кто видеть его не хотел, – генералитет ГРУ. Последние мечтали обзавестись отрезком от веревки, на которой он вздернется, или наглотаться дыма из трубы крематория, в который они сами вкатили бы его гроб на колесах. Перебежчику итальянские власти предоставили статус политического беженца, спецслужбы поселили его на роскошной вилле с винным погребом. Я в последний раз произнесу это слово – «генералитет» и на этом завяжу, – неожиданно заявил Тартаков.

Красин пожал плечами и сказал:

– Ладно.

– В общем, – продолжил майор, – под напором генералитета стран НАТО наш доблестный генерал заявил прессе о намерении издать книгу, в которой пойдет речь о преступлениях военной и политической верхушки России. Но книгу сначала нужно было написать. По самым скромным подсчетам, она из-под пера генерала могла появиться месяца через три-четыре. Нам стоило поторопиться. Руководителем спецоперации по обезвреживанию генерала назначили полковника ФСБ в отставке Матвеева. Он обладал уникальной способностью планировать сложнейшие операции и подбирать кандидатов на реализацию в сжатые сроки. Были еще кандидатуры, но статус отставного полковника, не состоящего на службе в правоохранительных органах, лучше остальных подходил на эту роль.

– Почему?

– Потому что его в случае провала операции можно было подставить. ФСБ располагала материалами, доказывающими связь Матвеева с агентом хорватской разведки Иво Фалкони, а тот был причастен к международной преступной группировке. Связь между российским и хорватским разведчиками была очевидной потому, что Матвеев по заданию своего руководства переправлял через хорватского агента в Италию людей с сомнительным прошлым, настоящим и будущим, причем не зная интереса своей службы. А когда перед отставкой Матвеева попросили передать хорватского агента управлению контрразведывательных операций, Матвеев ответил отказом.

– Причина?

– Более чем популярная в нашей фирме: отказался не сам Матвеев, а его агент, которого не устроили условия сделки. Для нас в сто раз важнее был осведомитель, нежели Матвеев.

– Ясно. Что дальше?

– Разрабатывая план по устранению генерала-предателя, Матвеев был вынужден воспользоваться старыми связями. Поскольку его поджимало время, но больше всего давило руководство службы, для исполнителей он запланировал эвакуационный коридор через таможен-

ный пункт в Венеции, откуда по нескольку раз в день уходят паромы в Грецию, «летают» «Ракеты» в Хорватию.

Тартаков допил пиво и заказал еще, подзвав бармена. Продолжил, когда тот вернулся за стойку.

– Матвеев определил две группы – разведывательную, поскольку местопребывание генерала было законспирировано и тщательно охранялось, и диверсионную. Разведчиков он нашел среди выпускников «Инкубатора» и легально переправил восемнадцатилетних спецназовцев в Италию. За две недели они собрали столько информации, пользуясь своей молодостью как маскировкой, что ее за глаза хватило группе ликвидаторов. Однако командир основной группы лопухнулся на паспортном контроле аэропорта Чампино. В дело вмешался случай. Матвеев получил приказ задействовать в качестве основной группы – разведывательную, то есть подростков. Сразу скажу, что задание они выполнили. Правда, как это часто случается, без жертв со стороны пацанов не обошлось. Эта история занимательна и другими, не менее интересными подробностями. Итак, кто вам нужен.

К этому времени майору Тартакову, выражаясь языком тети Вали, пора было попрощаться с ребятами, однако он не отказался от очередной рюмки и выпил ее одним глотком.

– Во-первых, это Тамира Эгипти. Ей девятнадцать. Она наполовину турчанка. Родилась в Питере. Отца-турка убили скинхеды, кажется. Следствием это не было установлено. Мать спилась, пропала. В Москву Тамиру увезли какие-то парни. Бродяжничала, воровала, сидела на игле. В «Инкубатор» попала после очередного, будем говорить, ежегодного послания Минобороны к ментам. После двухгодичного обучения по программе спецназа она, можно сказать, аттестовалась, а можно сказать, дипломировалась по специальности «техник средств оптического, тепловизионного наблюдения, фотографирования». Одним словом, специалист по электронике, системам слежения и наблюдения. Отличный стрелок. Владеет приемами рукопашного боя. Во-вторых...

– Нам нужна только девушка.

– Знаете, что на это вам скажет Матвеев?

– Я еще не решил этот вопрос. Возможно, встречи с Матвеевым не будет.

– Так вы хотите узнать, что вам скажет Матвеев, когда вы обратитесь к нему? – настырно повторил майор.

– Не знаю, – потихоньку стал сдаваться Красин.

– Так вы хотите узнать, что вам скажет Матвеев? – Тартаков пошел по кругу, его язык заплетался все больше и больше.

– Просветите меня.

– Он скажет: «В розницу не торгую». Тем более у Наймушина, командира разведгруппы по кличке Михей, роман с Дикаркой – так кличут Тамиру.

– Роман? – скривился Красин. – В каком веке вы родились?

– В прошлом. Считайте их – парня и девушку – одним целым. Только Матвеев сможет разорвать их для вас. Если даст на то согласие. Я опишу ему вашу внешность и назначу встречу. Выбор за вами.

Глава 6 ЗНАКОМСТВО

1

Сергей Красин запланировал встречу с агентами не в одной из многочисленных квартир контрразведки, разбросанных по всей Москве, – он сделал выбор в пользу адреса, о котором знали только он, Ленарт и Поляков. Новая явка – квартира, расположенная в Сокольниках, напротив Детского центра, стала их собственностью после того, как они прижали директора риелторской фирмы, уличенного в махинациях с недвижимым имуществом. Сергей Красин дал директору возможность откупиться: принял деньги и оформленную на подставное лицо квартиру на Беговой. Чуть позже обменял ее на квартиру в Сокольниках.

Он верил в то, что встреча с агентами состоится, хотя договоренность с их куратором не была достигнута. И посматривал на часы, отмечая, что Александр Матвеев опаздывает на десять минут.

Красин расположился в летнем кафе. Называя Матвееву место встречи, он описал себя в двух словах: «Тридцать лет, короткая стрижка, рубашка в полоску с длинными рукавами, галстук».

Матвеев приехал на место встречи раньше, чем Красин. Эти десять-пятнадцать минут он наблюдал за молодым контрразведчиком. За последние несколько лет Матвеев приучил себя ладить с «молодыми да ранними» старшими офицерами службы, поставив себя в терпимые условия. Он майорскую звезду получил в тридцать один год, окончив академию, и учился не для того, чтобы сдать экзамен.

На лице Красина отставной полковник прочел: «Я все знаю». В таких случаях его так и подмывало по-стариковски побрюзжать: «Те ли вопросы ты задаешь себе, чтобы знать все? – и добавить: – Кретин». Он не любил людей, самоуверенно полагающих, что они знают все.

Эти четверть часа не прошли впустую. Матвееву вспомнилось что-то знакомое (то ли читал, то ли слышал): «Департамент, которого не существует. Здание, у которого нет адреса». О таких, как Сергей Красин, говорят: люди-призраки. Матвеев не раз сталкивался с такими.

Кретин.

Красин не замечал Матвеева, которого видел на фото в его личном деле, не представлял, что ушлый полковник в отставке сделал ход конем. В это время за стол к полковнику подсел Михаил Наймушин. Матвеев был рад встрече со своим агентом. Они поздоровались за руку.

– Как ваши дела? – спросил Матвеев. – Нерешенные вопросы есть?

Михей молча вынул из кармана записную книжку и открыл ее на странице с реквизитами полковника Матвеева: адрес, телефоны.

– Я бы позвонил вам первому, случись у нас трудности.

– Как работа? – спросил Матвеев, кося глазом на Красина. Он был обязан поинтересоваться, потому что рекомендовал Наймушина своему давнему знакомому. Тот в свое время успешно работал в управлении кадров на Лубянке, потом, выйдя в отставку, возглавил службу безопасности одной из московских частных фирм. В этом же заведении в качестве секретаря нашла себе место Тамира.

– Нормально, – ответил Михей.

Другого ответа Матвеев не ожидал.

– Давно ее не видел. – Он приготовился к отпору. – Только не говори, что ты тоже ее давно не видел.

– Вам нужен я или она?

– Мне нужно посоветоваться с вами. Открыто. Но я все же решил сначала переговорить с тобой. Вашей парой, будем говорить, группой заинтересовался отдел, о котором обычно говорят: его не существует, а офис не имеет адреса. Там, по-видимому, готовят серьезную спецоперацию и ставку сделали на вас.

– Точнее, на Тамиру, – проявил проницательность Михай.

– Но вы будете работать в паре.

– Точно?

– Это мое условие. В нашей фирме есть такое правило: все игры планируются таким образом, чтобы в них нельзя было сыграть одному.

– Ваше условие приняли?

– Человек, который примет его, сидит за крайним столиком и с нетерпением поджидает меня. Он не знает о нашей с тобой встрече.

Михай скосил глаза на Красина, маскируя взгляд за солнцезащитными очками.

– У нас есть время подумать?

– Думаю, его будет очень мало. – Матвеев чуть заметно улыбнулся. – Этот нетерпеливый мальчик, который бросил взгляд на часы ровно семь раз, добьется своего. Собственно, я ничего не решаю, но постараюсь не упускать вас из виду. Полагаю, он потребует передать вашу агентурную группу в его распоряжение. Я потяну время, постараюсь узнать, какого рода операция намечается, судя по намекам, за границей. А теперь уходи, Миша. Полковник Красин готов проявить крайнюю степень нетерпения.

– Полковник? Сколько ему лет?

– Вот и ты тоже удивился. Я свяжусь с тобой по телефону.

Родители отдали Михаила в детскую спортивную школу «Динамо» в десять лет. Два года он занимался спортивной гимнастикой, был лучшим в группе на брусьях. Потом перешел в секцию айкидо, где на первых порах тренером был шестидесятилетний канадец Джо Марчук. Михай впервые примерил форму. Наставник показал ему, как завязывать свободные белые штаны с помощью тесемок, как правильно запахивать куртку и завязывать пояс. О, этот пояс, мечта многих мальчишек. Михай дважды оборачивал его вокруг талии и завязывал плотным узлом. Он мечтал о том дне, когда ему будет предоставлено право поверх брюк на бедра надевать хакаму – юбку-брюки. Но для этого ему нужно получить высокую степень – сёдан и черный пояс. Он впитывает, сидя на татами, слова учителя: «Айкидо – искусство самообороны – признает, что один человек, атакованный другим, имеет право защититься от агрессии».

Стремительность, чистота, контроль.

Красивые слова. Но шесть месяцев обучения не принесли желаемых результатов. Михай со слезами на глазах был вынужден признать, что айкидо – не для него. Учитель успокаивал его: «Терпение, мой мальчик». А потом словно прорвало. Процесс защиты – восприятие, оценка-решение, реакция – было не остановить. Сильный, гибкий, Михай проходит степени от 5-го до 1-го кю, завершив его боем в свободном стиле против одного противника. Впереди – желанный первый дан, а это полторы сотни *дополнительных* часов тренировок, которые необходимо добавить к уже пройденным. Он тренировался как одержимый, словно видел будущее и был готов встретиться с ним во всеоружии.

Он часто замечал, что чем успешнее шли его дела, тем хуже становилась семейная атмосфера. Нет, его родители не ссорились, если были трезвые; ему пятнадцать, и он, обладатель третьего дана «сандан», подрабатывал грузчиком на железнодорожном вокзале, чтобы заплатить за обучение. Однажды утром у него не стало ни родителей, ни квартиры на Краснопрудной улице. Он впервые переночевал на вокзале, и с тех пор «железка», где он поначалу подрабатывал, стала его домом. И в один из дней он не пришел на тренировку, а потом провел ночь в отделении милиции.

Куда уехали с деньгами мать и отец, он так и не узнал. Поначалу он терзался мыслями о том, за какой срок родичи промотают деньги, есть ли у них крыша над головой, хотя бы в деревне; а может, их кинули, а крышей им служат крышки гробов.

Не по годам взрослый, замкнутый, противоречивый, Михай продолжал карабкаться по жизни.

Как-то раз в отделение милиции приехал покупатель от военной разведки. Михай познакомился с ним еще на улице, когда старший лейтенант ГРУ беспечно оставил свой джип незапертым. Такого подарка Михаил Наймушин упустить не мог. Эта неделя оказалась для него тяжелой. Заработка на вокзале не было, в милицию забирали два раза. Он открыл дверцу и стащил японскую магнитолау. Но ударить с ней не успел. Его за руку схватил хозяин джипа. Со словами «Не заставляй меня делать тебе больно» он попытался утащить пятнадцатилетнего воришку в отделение милиции. Он не ожидал, что тщедушный с виду паренек окажет ему сопротивление. Однако Михай пошел дальше и развез матерого капитана как салагу; он скрутил его одной рукой. А когда старлей упал на колени, Михай напоролся на его «нечестный» прием: был сбит жесткой подсечкой под колено. Он тогда не знал, что только что сдал экзамен и был заочно зачислен в кадеты. Офицер ГРУ выискивал среди беспризорников похожие на Михея кадры, но с таким подготовленным экземпляром столкнулся впервые. Обычно в сети военной разведки попадали парни и девушки с приличными физическими данными, хорошо, если среди них встречались бывшие спортсмены.

Вечером этого же дня Михея, его приятеля Скоблика и Тамиру привезли в воинскую часть, огороженную «зоновским» забором с егюзой по гребню. Покупатель стандартно поприветствовал будущих диверсантов: «Добро пожаловать в „Инкубатор“».

Матвеев промаршировал Красина еще минуту-другую и вышел из-за стола в тот момент, когда Красин оставил свой столик. Матвеев окликнул его по имени:

– Сергей?

Полковник опешил. Он раз двадцать бросал взгляд на этого мужика с неопрятными длинными волосами а-ля Ринго Старр после грязевой ванны и не признал в нем отставного полковника из своего ведомства.

– Сергей? – повторил Матвеев, идя навстречу. – Узнал вас, когда вы встали.

«Давай, давай, лепи горбатого». Красин изобразил подобие улыбки. И попытался вспомнить, с кем именно беседовал Матвеев несколько минут назад. Внимание Красина было рассеянным, он ждал встречи, сосредоточившись на конкретном человеке, как на мишени: целишься в десятку и видишь ее четко, а круги меньшего достоинства тебя не привлекают. Он так и не вспомнил человека, который сидел за столом Матвеева.

– Ответьте на вопрос, Александр Михайлович.

– Пожалуйста.

– Тартаков посвятил вас в суть задания?

– Я это даже комментировать не стану. Мы с ним старые знакомые. Он не раз выручал меня, я – его.

Матвеев не сказал всей правды Михею. Наймушин услышал то, что был должен услышать. Его шефу не просто так приписывали качества самого мощного архиватора: он мог сжать реальные сроки операции в несколько раз. И в этом случае опередил Красина. Имея мощные связи в управлении, Матвеев за двадцать четыре часа выяснил его интерес. Оказалось, группа Красина вела официальное расследование, готовила операцию, куратором которой выступал начальник управления контрразведывательных операций.

Суть задания. Красин точно подобрал определение. Матвеев запросил копии статей и адреса, на которых он мог найти статьи, якобы принадлежащие перу Плотниковой.

Матвеев не доверял никому. Особенно остро эта особенность проявилась в последней операции, где его предали, и он едва увел из-под удара своих агентов.

Официальное расследование – куратор с генеральскими погонами. Все это и многое другое говорило о легальности, тем не менее Матвеев знал немало примеров, когда одна группа служила прикрытием другой, когда одна операция ширмовала другую.

Он с высокой точностью определил задачу Красина: сократить сроки операции, выходя на агентов через их куратора. Если он откажется, группа Красина потеряет несколько дней: выйти на агентов не трудно, но сложно найти общий язык, не заставить, а убедить их работать на себя. В этом случае Матвеева ототрут плечом от дела, и он, случись накладка в работе, не сможет помочь Михею и Тамире.

Вот сейчас он фактически вливался в команду Красина, о чем сам Красин нимало не подозревал. Вливался красиво. На вопрос Сергея: «Значит, вы в розницу не торгуете?» – ответил:

– Только оптом. Очень крупными партиями.

– Что вы подразумеваете под очень крупными партиями?

– То, что я вливаюсь в ваш дружный коллектив со своим паем. Разведчиков подразумеваю. Без них ваше дело затянется на месяцы. Я могу лично обратиться к генералу Михайлову.

– Не стоит, – нахмурился Красин. Он предчувствовал подлость, но ее качество превзошло все его ожидания. Одним телефонным звонком, одним жестом руки Матвеев мог отдать приказ своим агентам скрыться – всерьез и надолго. Теперь он уже не сомневался: это Михаил Наймушин подсел за столик полковника и получил от него указания. Мало того, он засветил руководителя группы и в случае давления на Матвеева мог расплатиться с Красиным той же монетой.

– Не стоит обращаться к генералу, – повторил Красин. – Вы опередили меня.

– То есть вы хотите сделать мне предложение?

– Полковник, человек, который рекомендовал вас, прославился длительными запоями.

За вами же следует слава самого быстрого планировщика на Диком... Востоке.

– Пусть будет Восток.

– Готовьтесь к тому, что я вас поставлю под себя.

– Это само собой.

2

Генерал Михайлов довольно рассмеялся, услышав долгожданную новость. Он пригласил Красина за низкий столик со стоявшими на нем фруктами, минеральной водой и сам занял место напротив.

– Как вам удалось заполучить полковника Матвеева? Он четыре года разговаривает исключительно со скворцами, которые уничтожают вредных насекомых на его дачном участке, с воронами и сороками, которые уминают его урожай.

– Мы вышли на него через майора Тартакова из профильного отдела военной контрразведки.

– Знаю такого, – кивнул Михайлов.

– Как только Тартаков произнес имена агентов, которые работали на Матвеева, он невольно втянул его в игру.

Красин нашел выход из щекотливой ситуации задолго до встречи с генералом. Его откровенно не радовал тот факт, что он сплясал под матвеевскую дудку и тартаковскую песню: «В розницу не торгую».

– Мы пришли к выводу, что Матвеев со своим опытом поможет нам сократить сроки планирования операции. Он исключит из перечня задач налаживание языка с агентами. Короче говоря, полковник Матвеев – универсальный переводчик, коннектор. Без него работа видится мне трудной и долгой.

– Ты сделал правильный выбор, – отозвался генерал. – Резину не тяни. На подготовку агентов я тебе даю десять дней. Умести в эти десять дней и сопутствующие мероприятия. Прежде всего я говорю о дезде, которая у Анвара Эбея не должна вызвать реакции отторжения. Наоборот. Подготовь свидетелей из числа обитателей вокзалов и прочих значных мест, которые лично знали Тамиру. Но прежде подготовь канал, по которому до Эбея дойдет пугающая, я считаю, новость: его дочь жива. Я бы испугался.

«Ну да, конечно, – рассудил Красин, – если ты имел в виду свою дочь. Я бы тоже испугался». Однажды он видел ее: конопатая, круглолицая, кряжистая. Видимо, в тот день у нее кончился дезодорант – от нее разило потом так, что у Сергея на глазах проступили слезы.

Глава 7

ОДНА КОМАНДА – ОДНА ЦЕЛЬ

1

Полковник Красин изобрел оригинальный способ инструктажа своей новой подопечной. Он окунал ее в подзабытую атмосферу вокзалов, забегаловок. Он показывал ей то, о чем Тамира вспоминала с содроганием. Красин так считал и полагал, что не ошибается в выборе способа инструктажа. Это все равно что провести бывшего заключенного по камерам тюрьмы, баракам колонии, тесным клетушкам штрафных изоляторов, показать ему рожи их обитателей.

Казанский вокзал. Первая забегаловка, что пряталась за информационным щитом. Маленькая закусочная с мусорным баком на два отделения – специально для клиентов: выпил пиво – открой крышку, положи стакан, бутылку, пластиковую тарелку.

– Что будешь пить?

– Ничего не буду, – ответила Тамира.

– Из ничего и выйдет ничего, – процитировал Красин Шекспира. – Ты должна что-нибудь заказать.

– То есть я должна заказать что-то определенное?

– То, что тебе по карману. То, что тебе было по карману три-четыре года назад, – сказал Сергей, не обращая внимания на язвительный тон подопечной.

– Порой я позволяла себе армянский коньяк. Правда, в компании с армяшкой. Или двумя.

– Два пива, – сделал заказ Красин. Он первым отпил из своего стакана. Тамира последовала его примеру. – Что больше всего тебе нравилось на вокзалах?

– Солдаты, – ответила девушка. – Их легко раскрутить. Они быстро кончают. Я даже вывела формулу: взвод изголодавшихся солдат равен одному хачику. Пыхтишь под ними столько же, а денег получаешь больше.

– Ответь мне на один вопрос.

– Конечно.

– Мы прошли с тобой вдоль перрона, заглянули в каждый газетный киоск, спустились в туалет. Никто не обратил на тебя внимания? Точнее, не увидела ли ты старых знакомых?

– На улице видела одного. Лет сорока опухший мужик с фиником под правым глазом.

– Он вспомнит тебя?

– Он-то точно вспомнит.

– Ты спала с ним?

– С педиком?

– Он педик?

– Ага. Я помню его дружка. Однажды их забрали в милицию, обвинили в краже. Те выдвинули алиби: мол, во время кражи они трахали друг друга по очереди, могут привести свидетелей.

– Тебе неприятен этот разговор, мои вопросы?

– Спрашивайте.

– Сегодня ноль градусов, а завтра будет в два раза больше. Сколько градусов будет завтра? Тамира рассмеялась.

Она была одета по погоде: розовая тенниска, джинсовые шорты, стильные босоножки на низком каблуке. Брови, нос, губы украшены серьгами и штифтами.

– Ты считаешь себя красивой?

– Да, я красивая. Я много раз слышала эти слова. Порой как признание, порой на последнем выдохе, когда мужику уже сказать больше нечего. Поговорим о деле?

– Мы и говорим о деле. Ты в легенде по уши. Слушай и запоминай. Связи Эбеля в России помогут ему установить следующее. Во-первых, нашлись свидетели, которые покажут, что знали Тамиру по кличке Дикарка, она занималась проституцией на железнодорожных вокзалах. Но ее не видели уже два года. Мы найдем очевидцев, которые на вопросы людей Эбеля покажут, что видели тебя в последний раз, когда тебя забирали в милицию. Никто из них не знает, что из отделения милиции тебя отправили в «Инкубатор». Они подумают так: скорее всего, Дикарка попала в тюрьму за кражу, поскольку нередко обчищала своих клиентов.

– Считаете эту легенду самой удачной?

– Так и есть. И если бы ее не было, то ее следовало бы придумать. Слушай дальше, Тамира. Эбель не сможет не принять дочь, какое бы прошлое ни преследовало ее, а затем потянулось и за его фамилией. Но он на это наплюет. Сама история станет для него поводом признать дочь. Жалость к ней – вот что окажет на Эбеля сильнейшее впечатление. Ненависть к себе подстегнет его: он все эти годы жил надеждой, что дочь жива, но его надежда была одета в саван. Тогда как реально дочь была разряжена в пух и прах, была бита пьяными мужиками, унижена обкуренными сутенерами, перемолочена органами правопорядка. Ему будет все время казаться, что он мог спасти дочь, но вместо этого беспомощно оплакивал ее. Лишь бы он не сошел с ума. Но нет, с ума ему не даст сойти она – его дочь. Она – его сумасшествие, она же его лекарство. И все это ты, Тамира.

Казалось, Сергей выдохся после этого жаркого монолога. Плечи его опустились, голос сел.

– Завтра я вылетаю в Египет.

– Что? – не расслышала Тамира.

– Вылетаю в Египет для переговоров с доктором Хассидом. Сегодня я позвоню ему. И пути назад у нас уже не будет. Я никогда не отступал. Ни от кого, даже от Хассида, не хочу услышать в спину: «Он отступил». Понимаешь меня?

– Да.

– Отлично. Завтра ты поступаешь в распоряжение Полякова. Жди его завтра в девять утра у станции метро «Сокольники».

Тамира направилась к выходу. Красин остановил ее.

– Захвати с собой паспорт. Нужно проставить въездные визы во Францию, Англию. Там у Эбеля недвижимость. Если тебя переправят в одну из этих стран, то все наши усилия пойдут прахом: анализ ДНК будет произведен не в Каире и не нашим агентом. Ты ничем не рискуешь. Получив отрицательный анализ, Эбель прикажет вернуть тебя обратно в Россию.

– Или хлопнет меня. Так не пойдет. Я отказываюсь работать на вас.

– Меня легко вывести из равновесия, – предупредил Сергей. – Так что слушай и не дергайся. Переправить человека в Египет, кишащий экстремистами, в сто раз легче, чем в европейские страны, напуганные экстремистами. А в Англии у меня есть связи с влиятельными иммигрантами из России, с теми, у кого двойное гражданство. Мы что-нибудь придумаем.

– Что-нибудь придумаете? Из какой деревни вы приехали? Нет, – Тамира решительно покачала головой, – я не буду работать на вас. Мне парижский насморк ни к чему.

– Только наш отказ или взаимные соглашения могут прекратить наше сотрудничество, – пока еще терпеливо втолковывал Красин. – Нет – значит снова отправишься на панель. Все, моя сексуальная загадочность, с тобой разговор окончен. Теперь все вопросы я буду решать с Матвеевым.

– У меня условие.

– Давай я выслушаю его. – Сергей сложил руки на груди, изображая внимательного слушателя.

– Коли вы решили поставить въездные визы в мой паспорт, то должны проштамповать и паспорт Михея. Мы работаем в паре.

– У вас с ним роман, я слышал. Ты – все, что у него есть. А он – все, что есть у тебя.

– Я могу идти?

– Да, проваливай.

Красин вышел вслед за Тамирой и проводил ее глазами до выхода. Толкая тяжеленную вокзальную дверь, девушка полуобернулась к нему и показала средний палец.

2

Каир, Египет

Хассид – тучный египтянин, занимал в лаборатории анализа ДНК лучший кабинет. Однако и он походил на лабораторию: низкие потолки, трубчатые конструкции, широкие окна с фрамугами, офисная мебель из серого пластика, оргтехника, кондиционеры и специальные приборы соответствующего цвета.

Хассид походил на индуса: белые брови, усы, короткая бородка, темно-коричневые глаза. В белом халате нараспашку он словно маскировался в кабинете, находясь за рабочим столом, у стеллажей, на диване. И начало этой маскировки было положено в названии лаборатории и должности заведующего, обозначенной на продолговатой табличке:

«Заведующий лабораторией анализа ДНК, диагностики наследственных заболеваний и проведения генетической экспертизы».

Отсюда и растерянность Сергея Красина, который, перешагнув порог кабинета, был готов встретить минимум трех заведующих, но не увидел ни одного. На выручку пришел сопровождающий. Он позвал хозяина, придав тону оттенок недоумения:

– Доктор Хассид?

Долгая пауза. Наконец из-за стеллажа появился человек в белом халате. Бросив на вошедших беглый взгляд, он довольно высоким голосом предложил им занять место на диване. Сопровождающий не собирался оставаться в кабинете, он указал Красину на диван и вышел в коридор.

Хассид хорошо говорил по-русски. Что называют «с расстановкой». За этой искусственной медлительностью Красин уловил желание Хассида погасить незначительный восточный акцент.

– Ваше имя Красин Сергей, – сказал он, присаживаясь рядом с гостем. – Мы разговаривали с вами по телефону. Рад встрече. – И только в этот момент протянул руку для рукопожатия. – Чем могу помочь? Одну секунду. Кофе или что-нибудь покрепче?

– На ваш выбор, доктор.

Красин невольно улыбнулся, вспомнив, как впервые побывал в гостях у Вадима Ленарта. Тот спросил: «Кофе с молоком?» Сергей ответил: «Да». И тогда Ленарт вынул из холодильника трехлитровую банку сырого деревенского молока, которое пахло выменем. Человек прямой, Красин так и не нашел ответа на вопрос, почему он не отказался, а пил кофе, еле сдерживая тошноту.

Хассид вернулся через пару минут с двумя бокалами. Коньяк – был уверен Красин. Однако ошибся, уловив неповторимый аромат рома. И едва подавил в себе желание спросить: «Где вы его достали, док?» Будто он жил в брежневские времена и устал от скудного ассортимента в винных магазинах: русская водка, армянский коньяк, якобы грузинское вино, но настоящий портвейн и сногшибательная настойка «Листопад».

Ему вдруг захотелось взглянуть на пробку от бутылки. Он точно помнил, что пил ром в последний раз шесть лет назад, на пробке был изображен негр с копьём и в набедренной повязке.

Белесая, стерильная атмосфера кабинета, хозяин – ее живое воплощение порождали фантастические мысли в стиле Станислава Лема, который ставил в своих произведениях «острые проблемы моральной ответственности человека за последствия своих деяний». Впрочем, эти «научно-философские» настроения покинули Красина, едва он подумал о Хассиде таком,

каков он есть: «Голимый кролик». Ему показалось, Хассид прочитал его мысли, и красные прожилки в его глазах набухли, превратились в пульсирующие вены и были готовы лопнуть.

– Отличный ром, – похвалил Сергей, пряча улыбку. – Кубинский?

Хассид пожал плечами, отвечая таким образом то ли «Какой же еще?», то ли «Хрен его знает». Но пили они лучший ром – «Гавана клуб».

– Чем могу?

Хассид не забыл обязательства перед российской контрразведкой – он все реже вспоминал о них. С одной стороны, ему было интересно работать. С другой – ему уже давно пора поставить точку в этом затянувшемся на годы деле. Он считал себя законсервированным агентом. Он понимал, что обязан российскому «треугольнику» (Центр молекулярной генетики – банк – контрразведка) всем, что имел сейчас. Это насыщенная интересной работой полноценная жизнь, положение в обществе и профессиональной среде.

– У русских есть такое выражение: «За все приходится платить». – Хассид рассмеялся. – А мне кажется, за все приходится доплачивать. И это еще одна загадка, над которой стоит поломать голову.

– Ответьте на несколько вопросов. – Красин поставил пустой бокал на столик. – Вы знаете Анвара Эбеля?

Красин этим именем словно воздействовал на определенную точку тела Хассида. Тот приосанился, будто услышал имя покойного президента Египта Анвара Садата.

– Да, – ответил он, чуть склонив голову. – Я знаю Эбеля, но лично с ним не знаком. Если, конечно, мы говорим о том самом Эбеле.

– Я имел в виду египетского миллионера Эбеля, который с малых лет проживал в Каире, хотя имел французские корни – его дальний родственник был французским биохимиком, профессором.

– Да, – снова кивнул Хассид. Он побледнел, предчувствуя более острые вопросы, хотя и эти, на слух невинные, укололи его изнутри.

Он оставил Красина одного и принес бутылку рома. Разливая крепкий напиток в бокалы, он тщетно пытался угадать, в какой связи российская контрразведка заинтересовалась личностью египетского миллионера.

– Расскажите о вашей лаборатории, – попросил Красин, пытаясь разговорить Хассида, снять его внутреннее напряжение. – Она одна из самых крупных в Египте?

– Точнее – на Ближнем Востоке, – поправил гостя Хассид. – Молекулярная генетика, – он пощелкал пальцами, подбирая выражение, – идет вперед семимильными шагами, вышла далеко за рамки научных исследований и получила широкое практическое применение в здравоохранении. Наша лаборатория стояла у истоков ДНК-диагностики. За пятнадцать лет существования лаборатории нами накоплен огромный опыт в области анализа ДНК, диагностики наследственных заболеваний и проведения генетической экспертизы.

– Есть такой термин – определение отцовства.

– Определение отцовства-материнства – не термин, это область в генетической науке, – подкорректировал высказывание собеседника Хассид. – Тем не менее вы правы. В нашем Центре молекулярной генетики это так и называется: генетическая экспертиза установления отцовства-материнства. Под моим руководством была разработана эксклюзивная методика определения биологического родства.

– Какова точность вашей методики? – спросил Красин.

– Она соответствует международным требованиям генетических экспертиз такого рода, – ушел от прямого ответа Хассид. – Она превосходит любой из существующих методов.

Поняв по выражению лица гостя, что тот ждет конкретного ответа, Хассид сказал:

– Мы гарантируем достоверность не ниже... – Он вынул из нагрудного кармана авторучку и написал на листе бумаги: 99,99 %.

- Ошибки случались? – продолжал спрашивать Сергей.
- Мы проводим анализы по установлению биологического родства много лет. Проведены многие тысячи экспертиз. Повторные исследования не выявили ошибок.
- Теоретически ошибка возможна?
- Только при подтверждении отцовства.
- Велика вероятность ошибки?
- Она не превышает одной стотысячной.
- Впечатляет. Такая экспертиза занимает много времени?
- Наша методика анализа определения совместимости донора и реципиента в случае близкородственной трансплантации позволяет в короткие сроки дать ответ – совпадают они или нет. Метод, который я назвал и который называется «типирование Эйч-эл-эй», используется и в случае анализа предрасположенности, к примеру, к бесплодию, диабету, артриту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.